

Annotation

•

Найденов Сергей Александрович Дети Ванюшина

Год: 1901

Драма в четырех действиях

С. Найденов

Дети Ванюшина

Драма в четырех действиях

Драматургия “Знания”. Сборник пьес

Серия “Библиотека драматурга”

М., “Искусство, 1964

ОСР Бычков М. Н.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Александр Егорович Ванюшин - купец, член городской управы.

Арина Ивановна - жена его.

Константин |

Алексей |

Клавдия |

Людмила } их дети.

Аня |

Катя |

Елена - племянница Ванюшина.

Павел Сергеевич Щеткин - муж Клавдии, чиновник.

Степан Федорович Красавин - муж Людмилы, доверенный богатой московской фирмы.

Генеральша Кукарникова - вдова.

Инна - ее дочь.

Авдотья - экономка в доме Ванюшина.

Акулина - горничная.

Старик в лохмотьях.

Несколько человек с улицы.

Действие происходит в одном из больших губернских городов.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Столовая в доме Ванюшина. Полутемная комната с двумя окнами, выходящими в стену соседнего дома. Направо, впереди, входная дверь из сеней, заставленная фонарем с цветными стеклами; за фонарем деревянная лестница наверх; под лестницей небольшая комнатка со стеклянной дверкой. Налево, в глубине сцены, в углу лежанка; на ней три самовара разной величины и огромные графины с домашним квасом и пивом. Лежанка заставлена большим буфетным шкафом. Слева впереди большой обеденный стол, окруженный стульями; над ним простая лампа и перед ним на стене портрет дяди Ванюшина, купца, в мундире купеческого старосты. Две двери на заднем плане: одна в спальню, другая, довольно широкая и постоянно открытая, в переднюю, в которой видна еще дверь в комнату Константина. Стулья старомодные, с большими клеенчатыми подушками. Семь часов утра, почти еще темно. Спустя некоторое время по поднятии занавеса раздается слабый звонок, и после паузы еще раз, и еще раз - все такой же слабый и нерешительный. Акулина спускается с лестницы и идет отпирать дверь, босая и заспанная, в накинутом на плечи ситцевом одеяле; она ощупью доходит до фонаря и скрывается в нем.

Алексей (в фонаре). Опять заперла?

Акулина. Мамаша велела. Заметили.

Алексей (входит). А ты не могла отпереть потом? Дура! (Проходит в переднюю раздеваться.)

На нем гимназическое пальто. Он высокий, худой юноша семнадцати лет. Раздевшись, Алексей идет к лестнице. В это время из спальни входит Ванюшин в халате и со свечкой в руках. При появлении его Акулина быстро убегает наверх. Ванюшин - высокий, сутуловатый старик лет шестидесяти пяти, еще бодрый и сильный; суровое, бритое, синевато-красное лицо; на голове большая лысина, окаймленная седыми волосами. При раздражении сурово сжимаются брови, синее лицо и раздуваются ноздри. Он редко смеется и шутит, и его смех и шутки не смешны для других. В нем есть что-то подавляющее, гнетущее, исключаящее впечатление человека доброго и простого, хотя этими качествами старик наделен природой в достаточной степени. Главная его особенность характера - замкнутость.

Ванюшин. Где шатался?

Алексей. У товарища был.

Ванюшин. Смотри, Алексей, не доживем мы с тобой до добра. Молоко на губах не обсохло, а ночи шатаешься!

Алексей. Я, папаша, у товарища был. Что тут такого?

Ванюшин. Врешь! Дери тебя горой! В гимназии сегодня не был. Директор присылал за мной. Пожалел бы отца-то позорить!

Алексей хочет уйти.

Постой! Ведь ночь из-за тебя не сплю... Выгонят - что будешь делать? Бочки с сахаром заставлю откупоривать, хуже рабочего сделаю! На что ты, дурак, рассчитываешь? Чего ждешь? Скажи мне на милость.

Алексей. Что говорить... Вы это не поймете.

Ванюшин. Да уж где понять! Ах ты, леший, леший! Отца ты глупее себя считаешь. Ты поживи, сколько я пожил, поработай... Ступай с глаз долой!

Алексей подымается по лестнице и уходит наверх. Ванюшин садится у стола, расстегивает ворот рубахи и трет голую грудь рукой. Из комнаты Константина показывается Леночка и, увидав Ванюшина, быстро скрывается обратно.

(Оборачивается.) Кто это? (Не увидав никого, опускает голову и крепко о чем-то задумывается.)

Из спальни выходит Арина Ивановна, добрейшая по внешности старушка лет пятидесяти трех. Она старый ребенок и не ребенком никогда не была - так наивны ее понятия и знание жизни. На голове ее коричневый платочек, в котором она всегда молится по несколько часов сряду утром и вечером; в руках лестовка и кадильница с курящимся ладаном.

Арина Ивановна. Александр Егорович, спал бы пока... вторую ночь не спишь. Разве так можно?

Ванюшин. Не до сна тут, старуха!

Арина Ивановна (желая сказать ему что-нибудь утешительное). Расходы будем сокращать.

Ванюшин. Нельзя этого. Иди молись.

Арина Ивановна. Зачем второго дворника нанял? Не надо бы нанимать.

Ванюшин. Не толкуй.

Арина Ивановна. Чаю попил бы. Велеть, что ли, поставить?
(Подходит к лестнице и кричит.) Акуля! Чай, спит еще. Акуля!

Голос Акулины: “Что?”

Самовар. Сегодня бабушке Лукерье память... два года прошло...
Обедню заказать надо.

Ванюшин. Что нам с тобой с детьми-то делать? Все врозь...

Арина Ивановна. Дети... Ну что же дети? У всех дети. Алешенька
вот худой уж больно стает.

Ванюшин. Выдрать его, так пополнеет.

Арина Ивановна. Полно уж ты, Александр Егорович!

Из своей комнаты выходит Константин в брюках, в рубашке и в
туфлях. Он молодой человек двадцати четырех лет, плотно сложенный,
краснощекий, без всякой растительности. Говорит так, как будто бы
постоянно сердится на что-то, вечно хмурый, недовольный. Ищет
спички.

Константин. Встали уж? Удивляюсь, что за охота так рано
вставать? У нас во всем доме не найдешь спичек!

Ванюшин. Бока пролежишь, если будешь по-твоему вставать.

Константин уходит наверх за спичками.

Буди ты его. Спит до обеда, позднее всех выходит в магазин;
стыдно, как по улице идет... Все замечают.

Арина Ивановна. Читает он долго; часа в три-четыре ложится. Как
глаза-то только видят.

Ванюшин. Смотрит он в книгу, да видит фигу. Ума-то не много.
Не того я ждал от него - серьезный был мальчишка, а дельца в нем
сейчас не видно. Не помощник он...

Арина Ивановна. На тебя не угодишь; и тот не хорош и этот... а
другим хорош... Вон, говорят, барышня Распопова - спит и видит за
него замуж выйти.

Ванюшин. А сколько за ней?

Арина Ивановна. Шестьдесят тысяч, Прасковья глухая сказывала.

Ванюшин. Чай, врет твоя глухая.

Арина Ивановна. Ну вот, зачем ей врать! У самой-то Распопихи
Прасковьюшка первый человек, каждый день бывает.

Ванюшин. Узнай про это лучше.

Константин и за ним Акулина спускаются с лестницы; Акулина
берет самовар с лежанки и уходит в сени; Арина Ивановна - в

спальню.

Константин. Вы, папаша, видели кассовую книгу? Я вчера в гостиной на столе оставил, думал - увидите.

Ванюшин. В руки не мог отдать? Забрался с девяти часов в свою комнату, не выходил...

Константин. Предоставьте мне свободу распоряжаться самим собой хоть в мелочах - про серьезное я уж не говорю,- спать, гулять и есть, когда я хочу.

Ванюшин. Порядку в доме не будет.

Константин. Ах оставьте это! Подсчитайте лучше книгу.

Ванюшин. А ты что сам-то не подсчитываешь? Смотри, зачитаешься - в кармане не досчитаешься.

Константин. Будет вам! Вечно одно и то же... В этом месяце торговали лучше сравнительно с прошлым годом, наверно не знаю на сколько.

Ванюшин. Правда ли?

Константин. С одной фабрики Спиридонова получили тысячу шестьсот рублей по счету. Подсчитайте, это очень интересно.

Ванюшин. Если так, корабля ли надо! Где книга-то, ты говоришь? (Обрадованный сообщением сына, уходит через переднюю в гостиную.)

Константин (подходит к двери своей комнаты и шепчет). Тсс... Лена!.. Живо...

Выбегает девушка лет восемнадцати, в юбке, в ночной кофточке, с распущенными волосами и вбегает на лестницу. У нее круглое лицо, вздернутый расплывшийся носик, пухлые губы и узкие, хитрые глаза. Говоря, она немного шепелявит и жеманится.

Лена (стоя на лестнице). Смотри вечером будь дома!

Дверь спальни отворяется.

Тетя...

Константин скрывается в своей комнате. Входит Арина Ивановна.

Лена. А я, тетя, к вам. Нет ли у вас капель? Всю ночь не спала, живот болел.

Арина Ивановна. Не знаю, Леночка, есть ли. (Отворяет буфет и ищет капли.) Вот какой-то пузырек.

Лена (берет пузырек и читает надпись на нем). Это гофманские.

Арина Ивановна. Ну их и прими - помогают. А вот Акулина подаст самовар, я бутылку с горячей водой пришлю к тебе наверх. Положи на живот: согреется - пройдет.

Лена. Спасибо, тетя. (Целует ее и уходит наверх.)

Арина Ивановна достает из буфета скатерть и посуду, приготавливает стол. Спустя некоторое время входит Акулина с кипящим самоваром.

Арина Ивановна. Достань-ка бутылку с буфета. У Леночки живот болит. (Заваривает чай.)

Акулина встает на лежанку и с большим трудом, привстав на цыпочки, достает бутылку.

Когда Алешенька пришел?

Акулина. Утром, недавно.

Арина Ивановна. Не пьяный?

Акулина. Кажется, навеселе.

Арина Ивановна (наливает в бутылку воды). На вот, отнеси. Скажи, чтоб полотенцем обернула, да и приложила.

Акулина идет. Входит Ванюшин.

Ванюшин. Что это за бутылка?

Арина Ивановна. У Леночки живот болит.

Ванюшин. Ест много дарового хлеба. Отправить к сестре надо.

Акулина уходит. Ванюшин, погруженный в свои мысли, садится за стол пить чай и говорит как бы про себя.

Ванюшин. Вот балбес-то!

Арина Ивановна. Кого это ты ругаешь?

Ванюшин. Сынка старшего.

Арина Ивановна. За что?

Ванюшин. Не выйдет из него проку... ничего не знает, ничем не интересуется. "Лучше торговали"! Все бы так лучше - с сумой пойдешь.

Арина Ивановна. Да полно тебе сокрушаться! Болезнь ведь от этого бывает.

Ванюшин (продолжает думать вслух; глаза его наполняются слезами, но не теряют обыкновенного своего выражения - суровости). Тридцать лет ждал сына. Вырос, и... Детки! Что им отец? Учились, да ничему, кроме фу-ты да ну-ты, не выучились. Учить-то не стоило...

Арина Ивановна. Говорила я тебе...

Ванюшин. Ступай, старуха, молись.

Арина Ивановна. А ты и лба по утрам не перекрестишь! Только торговля на уме-то... Бога забыл...

Ванюшин. А кормить-то вас кто будет?

Арина Ивановна. Бог прежде всего; без его и дела плохи.

Сверху сходит экономка Авдотья, бывшая няня младших детей Ванюшина. Она толстая, здоровая женщина, не старая, забравшая все домашнее хозяйство в свои руки. Слабовольная Арина Ивановна под ее опекой и влиянием.

Ванюшин. Долго спишь, экономка.

Авдотья. Спится, так что не спать! (Вынимает из буфета ключи от кладовой.) Что выдавать-то?

Ванюшин. Поросята там есть.

Авдотья. Четыре осталось.

Ванюшин. Ведь я двадцать штук купил?

Авдотья. Молодцам три раза жарили.

Ванюшин. Поросятами их не накормишь. Жирно будет.

Авдотья. Сами сказали, чтобы жарить им.

Ванюшин. Один раз сказал, а не три.

Авдотья. На вас не угодишь! Все попреки.

Арина Ивановна. Муки-то нет у нас, Александр Егорович,

Ванюшин. Как - муки нет? Да что вы, лошадям, что ли, муку-то засыпаете?

Авдотья. По двору вместо песка рассыпаем. Пятьдесят ртов приказчичьих... каждому по два фунта в день - мало ли на них одних надо? Уж больно жрать горазды!

Ванюшин. А ты не давай. (Обращается к Арине Ивановне.) Принеси-ка сюртук из спальни.

Арина Ивановна уходит и скоро возвращается с сюртуком.

На книжку ни-ни-ни, не смейте брать! Вчера девятьсот заплатил... (Берет сюртук и достает из бумажника шестьдесят рублей.) Купите да храните хорошенько. (Отдает деньги Арине Ивановне.)

Арина Ивановна. Что уж больно много, Александр Егорович? Лучше бы поменьше.

Ванюшин. Нельзя этого, старуха: меньше никогда не покупали, все знают на рынке.

Авдотья. Само собой не идет.

Арина Ивановна. Ужотка пошлем. (Кладет деньги под скатерть на столе.)

Ванюшин. Гнедого в телегу за мукой ехать чтоб заложил... Надо прыть-то ему сбить.

Авдотья. Знаю. (Уходит в сени.)

Арина Ивановна. Пойти домолиться. Все мешают.

Ванюшин погружается опять в свои размышления и пересчитывает деньги, находившиеся у него в бумажнике. Наверху раздаются голоса Ани и Кати. Аня: “Ты мою тетрадку взяла?” Катя: “Не брала, вот пристала!” Аня: “Я видела, как ты положила...”

Катя. Да нет же!

Сходят в столовую и целуют руку у отца. Они в гимназических платьях и белых фартучках; обе в одном классе, в пятом, хотя Ане шестнадцать лет, а Кате пятнадцать. Аня - толстенькая шатенка, добрая, слабовольная, мало способная учиться, большая трусиха; боится учителей и дурных отметок. Она похожа на мать и по характеру и по внешности. Катя - блондинка, груба, неженственна и страшно неоткровенна - унаследованная замкнутость отца. В ней много общего со старшим братом, Константином.

Ванюшин. Что вы, стрекозы, сегодня рано?

Катя. У нас первый - русский язык, сочинение подавать.

Ванюшин. Чай, уж вы и сочинили! (Наливает им чаю.)

Они уходят в спальню здороваться с матерью и скоро возвращаются.

Так зачем же рано идти? Сочинение раньше начала урока не подают.

Катя и Аня молча пьют чай, торопятся и обжигаются.

Что же вы молчите?

Молчание.

(Обращается к Ане.) Фартук-то у тебя в чернилах.

Аня. Где, папаша?

Ванюшин. Не видишь? Ослепла? Писака!

Аня чувствует дурное настроение отца и скорее старается допить свой чай, чтобы уйти.

Учить-то вас, черт знает, к чему! Перевод денег. (С сожалением посмотрев на них, уходит в спальню.)

Аня. Я у него денег просить не стану на книгу. Ты проси.

Катя. Я просила на той неделе - твоя очередь.

Аня. Ни за что! Он на Костю сердится.

Катя. Нет, на Алешу.

Аня. А что Алеша сделал?

Катя. Не знаю. Директор вызывал папашу.

Аня. Он влюблен. По ночам стихи пишет. Вот узнать бы, в кого он влюблен.

Катя. Надо у него карточку из кармана вытащить, посмотреть.

Аня. Он тебе задаст.

Катя. Не узнает... Интересно!

Входит Щеткин, чиновник из управы, двадцати девяти лет, щеголевато одет, в золотых очках, маленькая бородка, большая лысина на голове. Он мягок и деликатен, "мамочка" - так часто называют таких людей, в душе же хам и циник.

Щеткин. Папаша не ушел?

Катя. Нет. Кажется, одевается.

Щеткин (у дверей спальни). Папаша, вы скоро?

Входит Арина Ивановна.

(Целует у нее руку.) С добрым утром, мамаша.

Арина Ивановна. Надо, что ли, на завтрак?

Катя. Понятно, надо.

Арина Ивановна дает Кате и Ане денег, и они уходят в гимназию, одевшись в передней и взяв книги.

Арина Ивановна. Уж и не знаю, что делается с ним.

Щеткин. С кем?

Арина Ивановна. С отцом. Ночи не спит... Посоветовали бы ему к доктору съездить.

Щеткин. Я ему прежде всего посоветую быть аккуратнее по отношению близких... Вы ему не говорили о деньгах?

Арина Ивановна. Нет.

Щеткин. Клавдинька просила вас... Каждый месяц одно и то же. Это скучно! Удивляюсь, как вы стали забывчивы.

Арина Ивановна. Я скажу.

Щеткин. Нет уж, я сам скажу! Но только знайте, что это в последний раз,- больше я не намерен попрошайничать. Держите вы слово, нечего сказать! (Насильно смеется, раздражен и озлоблен.) Если

бы не я, ваша дочь до сих пор мозолила бы вам глаза. Этого не следует вам забывать.

Арина Ивановна. Уж полно! Клавдиньку за что же вы?

Входит Ванюшин в сюртуке и крахмальной сорочке.

Ванюшин. Что ты тут петушишься?

Щеткин (целуя руку Ванюшина). С добрым утром. Я к вам... сегодня восьмое число.

Ванюшин. Ну что же, что восьмое?

Щеткин. Больше недели прошло после первого. Вы коммерческий человек, должны понимать, что значат для маленького человека вовремя деньги.

Ванюшин. Как не понимать! Понимаю. Извините, Павел Сергеевич, не приготовили, сделайте милость.

Щеткин. У вас никогда нет. Странно.

Ванюшин. С квартиры вытурю! Зазнался, дери тебя горой!

Щеткин. Ну это вы пожалуйста! Все знают, что квартиру в доме и пятьдесят рублей в месяц вы обязались платить мне, и все будут знать, как вы держите свое слово. Я не из тех зятьев, которых можно дурачить, прошу это заметить. В управе и то все удивляются...

Ванюшин. А ты не смей болтать! Получаешь ведь - чего надо?

Щеткин. Как нищий каждый раз выпрашиваешь.

Ванюшин. Будет! Возьми в магазине. (Надевает в передней енотовую шубу и шапку и, подойдя к лестнице, кричит.) Эй ты, гулена, в гимназию иди! (Обращается к Арине Ивановне.) Гони Алешку-то!

Щеткин. В управе сегодня будете?

Ванюшин. Может быть, не приду. Скажи голове, что заболел, мол. (Уходит.)

Арина Ивановна. И зачем вы его расстраиваете? Пожалели бы.

Щеткин. Дудки! Один месяц спусти, другой, а потом и забудется. Это я знаю.

Арина Ивановна. Полно вам.

Слышен стук. Это стучит Клавдия из своей квартиры, помещающейся внизу.

Вон Клавдия зовет. Ступайте! (Обиженная, уходит в спальню.)

Щеткин. Должно быть, пирожки готовы. Прощайте. (Уходит.)

Сцена некоторое время пуста. Входит Авдотья, осматривается и, подойдя к бутылке, пьет водку. На лестнице появляется Алексей в

мундире и с ранцем.

Алексей. А, нянюшка, попались!

Авдотья. Ключи затерялись.

Алексей. Так вы на дне четверти их ищете?

Авдотья запирает буфет.

Постой... я тебя научу... Отец замечает, что ты водку пьешь... так ты вот как... (наливает рюмку и выпивает) выпьешь - и ставь ярлыком бутылку к стене,- он всегда так ставит, и я так делаю.

Авдотья. Хитрый... Где ночь-то сегодня шатался? Все, чай, по девочкам?

Алексей. С твоей легкой руки.

Авдотья. А ты старое-то не вспоминай... нехорошо... старуха я совсем стала.

Алексей. Учительница!

Авдотья. Не вспоминай... Ишь у тебя волосики-то как стали виться... (Гладит его по голове.)

Алексей. Уйди! (Отталкивает ее.)

Авдотья незаметно пропадает из комнаты, чувствуя себя пристыженной и виноватой перед Алешей. Он садится за стол пить чай; чем-то очень расстроен, озабочен и нервен; часто хватается за голову и сжимает пальцы, ходит, садится и встает, по-видимому, что-то вспоминает и увлекается. Вынимает из кармана фотографическую карточку женщины, целует, долго смотрит на нее; по лицу пробегают ласковые улыбки. Он вдохновляется, в голове его проносятся несколько строк стихотворения.

Солнышко!.. (Достает из ранца карандаш и пишет на оборотной стороне карточки, вслух повторяя написанное.)

Солнышко, радость нежданная,

Моя дорогая, желанная,

Вижу тебя наяву -

Вот ты предо мной воплощаешься,

Мягкой улыбкой ты мне улыбаешься,-

Вместе с тобой я живу!..

Входит Арина Ивановна. Алеша прячет карточку в карман.

Арина Ивановна. И не зайдешь к матери поздороваться.

Алексей. Простите, мамаша... я зашел бы после.

Пауза. Алеша пьет чай; Арина Ивановна садится против него, с сожалением смотрит и укоризненно качает головой.

Арина Ивановна. Алеша, что мне делать-то с тобой? Отец-то как убивается... Зачем ты так-то?..

Алексей. Ничего я вам не могу сказать.

Арина Ивановна. Вот сегодня опять ночь-то прогулял.

Алексей. Ну что же из этого? И буду... хочу... Оставьте!

Арина Ивановна (плачет). И в кого ты такой? Все у нас тихие и смиренные...

Алексей. При отце... а за пазухой ножи у всех... Противно дома жить.

Арина Ивановна. Бог с тобой, Алешенька, что ты матери как говоришь?

Алексей. А вы оставьте. (Пауза. Хочет что-то сказать, но ему стыдно; он долго не решается и наконец с напускной развязностью говорит.) Мамаша, мне нужны деньги.

Арина Ивановна. Опять деньги? Как же это так, Алешенька? Где я возьму? Сам знаешь, три рубля вчера у Авдотьи заняла, тебе дала.

Алексей. Мне не три рубля надо... двадцать пять рублей надо.

Арина Ивановна. Господи! На что это тебе?

Алексей. Нужно, очень нужно... Если вы не найдете, я, может быть... Вы меня простите, я знаю, что я подлец, но если бы вы могли понять... (Сдерживает слезы.)

Арина Ивановна. Да где взять-то? (Думает.) Клавдинька не даст... У ней есть в копилке...

Алексей. Ну вот и возьмите их.

Арина Ивановна. Не даст. Господи, что же это такое? Ты хоть богу помолился бы... Мысли у тебя не того... Ты подумай о себе-то, подумай.

Алексей. Я много думал.

Арина Ивановна. Чего же тебе недостает?

Алексей. Жизни... Все мне опротивело - и здесь и в гимназии! (Случайно рукой приподнимает скатерть на столе и видит деньги, положенные Ариной Ивановной.)

Арина Ивановна. Вот есть у меня пять рублей, на златоусты приготовленные. Дать, что ли?

Алексей. Дайте.

Арина Ивановна уходит. Алексей смотрит на деньги и думает, взять их или нет? Пауза. Смело схватывает деньги, быстро прячет их в карман, бежит в переднюю, схватывает пальто и фуражку и выбегает в сени. В фонаре сталкивается с Авдотьей. Авдотья подходит к двери спальни и приотворяет ее.

Авдотья. Заложили... на базар посылать пора.

Арина Ивановна выходит из спальни и виновато прячет деньги в карман.

Арина Ивановна. А Алешенька где?

Авдотья. Ушел уж сынок ненаглядный.

Арина Ивановна. Ушел... Что же он так скоро? На завтрак пятачок хотела ему дать.

Авдотья. Чай, уж и пятачок! Давайте, что ли, деньги на базар.

Арина Ивановна (подходит к столу и ищет деньги). Где же это они? Под скатерть положила. Ты не брала?

Авдотья. Нет.

Арина Ивановна. Что же это такое? Господи! Акулину надо спросить.

Авдотья. Она белье катает, в комнаты не входила.

Арина Ивановна. Батюшки! Неужели Алешенька? Как же это он? Да это не он.

Авдотья. А кто же? Не кошка съела.

Арина Ивановна. Авдотьюшка, что же это будет? Батюшки, вот грех-то! (Совершенно растерялась, схватывает кочергу у лежанки и стучит ею в пол, вызывая этим Клавдию.)

Авдотья. Вы бы побольше его баловали; не до этого доживете - убьет.

Арина Ивановна. Да полно тебе, полно. Ты у меня нишкни, Александру Егорычу и не заикайся.

Авдотья. Узнает. Без муки-то не просидишь.

Арина Ивановна. Без денег возьмем.

Авдотья. Не отпустят. Чай, слышали, что сам-то приказал?

Арина Ивановна. Батюшки, как же это быть-то, Авдотьюшка? Грех-то, грех какой! Алешенька-то что сделал! (Всплескивает руками и опускается на стул.)

Входит Клавдия, она немного горбатая и кривобокая, сухая, рыхлая, с веснушками на лице. Часто курит, в руках у нее папироска.

Трудно определить, сколько ей лет. Пять лет замужества состарили и искалечили эту женщину.

Арина Ивановна. Клавдинька, беда-то какая!

Клавдия (целуя руку матери). У вас каждый день беда. Павлика как расстроили... У него желчь может разлиться.

Арина Ивановна. Алешенька-то что сделал! Грех-то какой!

Клавдия. Вы все со своим Алешенькой - до других вам и дела нет.

Арина Ивановна. Деньги ведь взял... шестьдесят рублей! Отец на муку оставил. Как быть-то, Клавдинька? Ума не приложу.

Клавдия. Как же он смел? Негодный мальчишка!

Арина Ивановна. Боюсь, чтоб отец не узнал... беда будет.

Авдотья. А вы больше покрывайте - он и не то украдет.

Арина Ивановна. Молчи ты! Выручай, Клавдинька... Дай... Уж я как-нибудь сколочу, тебе отдам.

Клавдия. Да где же я их возьму вам? Как это вы странно, мамаша...

Арина Ивановна. В копилке-то у тебя, быть может, найдется?

Клавдия. Это детские деньги,- сами знаете, разве их можно взять?

Авдотья. А вы у старшего сынка попросите.

Арина Ивановна. Не даст. Да у него, чай, у самого-то нет. Боюсь я ему сказать... Клавдинька, как же быть?

Клавдия. Вы мать, а боитесь... Погодите, он вас еще не так в руки заберет. Вот папаше наговаривает, чтобы нам месячные деньги не выдавать. А еще брат! Павлика не любит... а Павлик прав, он всегда прав. Он имеет право требовать, это я всем в глаза скажу,- у нас дети...

Арина Ивановна. Да погоди ты! Кажется, идет... Греха с тобой наживешь.

Входит Константин. На нем красивый хорошо сшитый костюм, волосы немного завиты. Он вообще обращает большое внимание на свою внешность. Войдя, он садится к чайному столу и, раздражаясь, скидывает крошки хлеба со стола.

Константин. Постоянно хлев! Прилично дома нельзя напиться чаю; ни сыру, ни масла...

Арина Ивановна (наливает ему стакан чаю). Купим сегодня. (Хочет сказать ему о деньгах, но не решается и боится.) Расходы, Костенька, большие.

Константин. Вот в этом-то и горе!.. Расходы большие, а в каждой чиновнической семье приличнее, чем у нас.

Пауза. Константин смотрит на Авдотью, и ее присутствие раздражает его.

(Обращается к Авдотье.) Что вам здесь нужно? Идите!

Авдотья уходит.

У нас кучера и кухарки скоро будут вместе за стол садиться.

Клавдия. Она ведь нянька, сестер вынянчила.

Константин. Как это глупо!

Клавдия. Да уж где нам!

Константин. Муж опять приходил, егозил перед отцом. Удивительно, как людям не стыдно!

Клавдия. Не твое дело. Павлик имеет право.

Константин. Это скучно... Вечно одно и то же! Ваше право - палка о двух концах. С утра отравляют день! (Раздраженный, встает из-за стола и, не допив стакана чаю, идет в переднюю, надевает шинель и цилиндр.)

Когда он, одетый, приходит в столовую, Арина Ивановна робко и чуть не плача начинает говорить ему о деньгах.

Арина Ивановна. Костенька...

Константин. Что такое? Что вам еще нужно?

Арина Ивановна. Грех-то у меня какой случился! Деньги папаша на базар оставил, а их кто-то взял.

Константин. Ну так что же? Мне-то что за дело? Вы скоро самих себя потеряете.

Арина Ивановна. Да как же мне быть? Папаше нельзя сказать, сам знаешь.

Константин. Кто же их взял - Акулина или Авдотья!

Арина Ивановна. Нет-нет, Костенька, не они... боюсь, что не Алешенька ли, тут он был.

Константин. Подлец! (Хочет идти.)

Арина Ивановна. Что же ты мне ничего не скажешь?

Константин. Что же сказать? Не хочу я даже вмешиваться в эту историю. Сами виноваты.

Арина Ивановна. Нет ли у тебя?

Константин. Ах оставьте! (Уходит.)

Клавдия. Сынок - нечего говорить! Не дай бог, умрет папаша, как липок отделаает; ни жалости, ни любви в нем - каменный какой-то...

Арина Ивановна. И не говори... Как же, Клавдинька, дашь, что ли? Накоплю я... полотна, скажу самому-то, купила,- вот тебе двадцать пять рублей и будет.

Клавдия. Восемьдесят пять отдадите?

Арина Ивановна. Сто отдам, только дай.

Клавдия. Я все-таки спрошу Павлика. А сейчас пока немного купите муки.

Арина Ивановна. Надо так сделать. Хочешь чаю, что ли?

Клавдия. Выпью чашечку.

Обе пьют чай.

Арина Ивановна. На Распоповой хочется отцу-то женить Костеньку. Велел узнать, сколько за ней денег. Она барышня ничего... у обедни каждое воскресенье бывает, так смиренно стоит...

Клавдия. Не женится он на ней... содержанку-то куда денет?

Арина Ивановна. А ты не болтай вздор!

Клавдия. Павлик еще не то про него знает.

Арина Ивановна. Не болтай! Он и так говорит, что муж твой все про него выдумывает,- поругаются они. А Распопова барышня ему подходящая.

Клавдия. Он ей только и нравится, а другие-то все терпеть его не могут. Он разговаривать с барышнями не умеет, все фыркает.

Арина Ивановна. Ну вот тебе - такой королевич, да не умеет! Гимназию кончил.

Вбегает взволнованная Авдотья.

Авдотья. Матушка, Арина Ивановна, дочка вернулась.

Арина Ивановна (обрадовалась и растерялась). Людмилочка?.. Зачем это она?

Авдотья. С вокзала сейчас.

Арина Ивановна. Господи! Что это с ней? Не писала ничего.

Входит Людмила. В руках у нее небольшой дорожный чемодан и подушка. Она красивая женщина двадцати семи лет, но в настоящий момент утомленная и растрепанная. Войдя в столовую, она останавливается у порога двери и от волнения не может говорить; чемодан вываливается из ее рук. Арина Ивановна чувствует, что с дочерью произошло какое-то несчастье, кидается к ней, обнимает ее.

Клавдия, видя, что Людмила с трудом держится на ногах, усаживает ее на стул. Людмила целует руки матери и, сдерживая слезы, испуганно взглядывает иногда на входную дверь и ждет чего-то страшного.

Людмила. Я сейчас уеду... Я думала, что это легче...

Клавдия (тихо). Что с тобой?

Людмила. Не могу... я уеду!.. (Рыдая, прижимается к матери.)
Мамаша, он видел, как я подъехала... стоял у магазина... сейчас придет.

Арина Ивановна (робко). Людмилочка, зачем ты приехала?

Людмила. Не могу я с ним жить - не человек он... Если бы вы знали...

Арина Ивановна. Муж ведь он тебе...

Людмила. С ним нельзя жить.

В фонаре появляется Ванюшин, Авдотья первая видит его.

Авдотья. Сам... (Быстро скрывается в передней.)

Людмила вскакивает со стула и делает движение бежать.

Ванюшин входит в шубе и шапке; сильно взволнован и встревожен.

Ванюшин. Зачем ты?

Людмила (падает к его ногам). Не гоните меня. Я к вам приехала.

Ванюшин. Постой... (Приподнимает ее.) Что ты, обезумела?
Расскажи все толком.

Людмила. Я бросила мужа... тихонько убежала. Он запер меня, бил. Я не могла...

Ванюшин. За что же? Как он смел?

Людмила. Тогда... после свадьбы... как поезд отошел, пришли мы в вагон, и он стал требовать денег... Я сказала, что вы мне ничего не дали... только на карманные расходы двадцать пять рублей... Ушел, не приходил всю ночь и целую неделю мучил меня и издевался.

Ванюшин (тяжело дыша, опускается на стул и задумывается).
Здесь что-то не так... Я ему русским языком говорил, что денег за тобой нет... Как же он смел?

Людмила. Пьяница он: и ночью и днем пьет; ничего не понимает. Папаша, зачем вы хвалили его? Отдали меня? Кому же я могла верить, как не вам?

Ванюшин. Не то, не то тут. (Испытующе смотрит на дочь. Уверяется в своей догадке, лицо его багровеет; ноздри широко

раздуваются, и нахмуриваются брови. Ударяет кулаком по столу.) Людмила, говори правду!

Арина Ивановна (испуганно). Александр Егорович...

Ванюшин. Говори! Не станет он ни с того ни с сего обижать - не такой парень... Все равно узнаю...

Людмила молчит.

Правда, что ли?

Людмила. Я уйду... Нет у вас жалости... Ведь от ваших взглядов да попреков за первого встречного выскочила. Вас же хотела облегчить, от себя избавить. Ах, да что говорить!.. (Хочет идти.)

Арина Ивановна. Людмилочка, куда ты? Что ты с дочерью-то делаешь, Александр Егорович?

Ванюшин. Постой... Живи пока. Только на глаза мне реже показывайся. Опозорила, осрамила старика! Старуха, до какого сраму мы с тобой дожили. Неделю тому назад дочку обвенчали, а она - на тебе! Детки, детки! (Схватывается руками за голову.) Этого ли я ждал от вас? За людьми лез, дураков слушал - учил... научил на свою голову. Да еще говорит, во мне жалости нет! Да кабы я знал, что ты такая, кухаркой бы сделал, а замуж не выдал, не опозорил бы себя. Как я теперь по улице-то пойду, на людей смотреть буду? Как мне теперь на людей-то смотреть? Скажи мне!

Людмила. Уйду я, да и все... куда глаза глядят уйду...

Ванюшин. Не дело... Слушай! В гости ко мне ты приехала... и сиди, на улицу не показывайся, а там, может быть, как-нибудь... Не ждал я, Людмила, от тебя, не ждал. (Сдерживая навертывающиеся на глаза слезы, выходит из столовой в переднюю.)

Арина Ивановна. Клавдинька, пойдем за ним. Уж больно он расстроился. Одна-то я боюсь.

Клавдия. Пойдемте.

Уходят за Ванюшиным.

Людмила чувствует себя лучше: самое страшное, чего она так боялась, прошло. Она берет чемодан и ищет в нем зеркало. Входит Авдотья.

Авдотья. Ничего... Это ли бывает... Снимайте шубку-то. То ли еще бывает. Обойдется. Я виды-то видала. (Помогает Людмиле раздеться.) Опять в девичьей комнате с Леночкой поживете. Раньше двенадцати она у нас после вас и не встает... барышню разыгрывает.

Входит Щеткин. Сначала не видит Людмилы и обращается к Авдотье. Он в меховом пальто и шапке.

Щеткин. Папаша дома, что ли? Нигде не найдешь. (Видит Людмилу.) Людмила Александровна! Вы здесь?

Людмила. Да, здесь.

Щеткин. Не верю глазам.

Людмила. Поверьте.

Авдотья с шубой Людмилы выходит в переднюю и больше не возвращается.

(Осматривается и видит, что никого в комнате нет.) Спасибо вам!

Щеткин. Объясните...

Людмила. Смотреть на вас не могу.

Щеткин. Неужели прогнал? Мерзавец! Замоскворецкий дикарь! Не ждал...

Людмила. Не ждал?

Щеткин. Ждал, но не такого скандала. Я предупреждал, что придется пережить очень неприятные минуты...

Людмила. А вам все как с гуся вода...

Щеткин. Но, Людмила... разве был другой выход? Мало ль мы думали? Скажите...

Входит Клавдия.

Клавдия. Ты зачем?

Щеткин. За папашей. В управе нужен; голова просил его хоть на минуту приехать.

Клавдия. Он в кабинете.

Щеткин. Авань вытасу. (Уходит.)

Клавдия. Иди скорее наверх. Да советую тебе дня два не показываться отцу. Скорее, а то встретитесь...

Людмила. Лучше не встречаться. (Идет по лестнице.) Опять вверх... Опять этот гроб!..

Клавдия. Иди скорее. Кажется, идут... Никогда и ничего, сестра, не проходит даром.

Людмила останавливается на лестнице и, пораженная словами сестры, смотрит на нее и тихо говорит.

Людмила. Ты все знаешь?

Клавдия (показывает на волосы). Седая стала.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Приготовлен обеденный стол для всей семьи Ванюшина. Сервировка простая; груды черного и белого хлеба; огромные графины с домашним квасом и пивом. Леночка возвращается с прогулки. На ней меховая кофточка и шапочка. В то время как она входит в столовую и, не раздеваясь, проходит наверх, Катя и Аня выглядывают из передней. В руках Кати небольшая шкатулочка, принадлежащая Леночке, с секретными бумагами и вещами.

Катя (выглянув из передней). Она!

Леночка проходит наверх; Катя и Аня появляются в дверях.

Как же быть?

Аня. Говорила я тебе, что она скоро придет.

Катя. Давай спрячем куда-нибудь и скажем, что мы не брали.

Аня. Куда?

Катя. Под лестницу.

Аня. А вдруг кто-нибудь найдет.

Катя. Ну вот! Потом мы ей в комнату подкинем, да и все. (Отворяет дверку комнаты под лестницей и входит в нее, чтобы спрятать шкатулку.)

На лестнице показывается взволнованная Леночка, еще не успевшая раздеться.

Аня. Идет...

Растерявшаяся Катя выскакивает из-под лестницы и со шкатулкой в руках бежит через переднюю в другие смежные комнаты; Леночка бежит за ней.

Леночка. Как вы смели? Негодные девчонки! (Дергает за рукав Аню и бежит за Катей.)

Через некоторое время Катя снова вбегает в столовую и прячется под лестницей; Леночка - за ней; она старается отворить дверку, но Катя ее крепко держит.

Леночка. Отдай шкатулку! Я дяде скажу.

Катя (за дверью). Не смеешь.

После некоторой борьбы Леночке удается отворить дверь. Катя бросает шкатулку на пол, и из нее вываливаются письма и разные бумаги. Леночка старается их собрать, но это ей от волнения плохо удается.

Катя. Возьми! Мы теперь все равно все знаем.

Леночка. Ничего вы не знаете.

Катя (дразнит ее). Знаем, знаем... мы прочли...

Леночка. И не стыдно вам читать чужие письма?

Катя. Мы не письма, мы дневник прочли... Знаем, знаем...
(Хлопает в ладоши и скачет с ноги на ногу.)

Леночка. Бесстыдница!

Аня (серьезно и с глубоким укором). Это ты бесстыдница! Тебя, как бедную родственницу, папаша содержит, кормит, а ты... Тебе должно быть стыдно. (Сдерживая слезы.) Ты нехорошая!

Леночка сконфужена, чувствует себя неловко.

Костя старший брат, он не должен так себя вести.

Леночка. Надо все знать, Аня, чтобы так говорить... Ты молода, и не тебе судить. Я, может быть, и очень несчастная... я бедная...

Аня (тронута слезами Леночки). Мы, Леночка, ведь никому не скажем. Не скажем ведь, Катя?

Леночка. Дайте мне слово. Я вам все, все расскажу... (Обращается к Ане.) Даешь?

Аня. Мы никому, ей-богу, никому не скажем.

Леночка целует Катю и Аню.

Катя. А ты Косте не говори. Он сердиться на нас будет. Не скажешь?

Леночка. Не скажу. Да он и не знает, что у меня дневник есть.

Катя. Не знает? А я на твоём месте все говорила бы ему.

Леночка. Этого нельзя. Мужчинам не надо все говорить.

Катя. Почему же? Леночка, скажи, почему?

В фонаре появляется Ванюшин.

Папаша... (Быстро вбегает по лестнице, за ней - Аня и Леночка.)

Входит Ванюшин и проходит в переднюю, раздевается и уходят в другие комнаты. Сверху сходят Авдотья и Акулина.

Авдотья. Иди за супом. Сам пришел. (Осматривает приготовленный стол.) Все ли в порядке?

Акулина. Скатерть грязная.

Авдотья. Сегодня не воскресенье, ладно. Щеткиным-то есть приборы?

Акулина. Накрыла.

Авдотья. Придут, чай, и сегодня. Редкий день не ходят. (Считает приборы.) Да не хватает одного прибора. Эх ты, считалка! Иди уж за

супом, я сама приготовлю.

Акулина уходит. Авдотья prepares прибор. Входит Константин. Леночка, ожидавшая и следившая сверху, когда он придет, сходит с лестницы и вместе с ним проходит в переднюю, где тихо рассказывает ему о поступке Кати и Ани; когда Авдотья выходит в сени, Леночка и Константин входят в столовую.

Константин. Глупо!.. Писать не умеешь, да какие-то там дневники завела... Сожги.

Леночка. Я, Костенька...

Константин (шепелявит и передразнивает ее). “Я, Костенька...”. Сожги. А с ними будь поласковее, не ссорься. Черт знает, что такое!

Леночка. Не сердись.

Константин. Это хоть кого взбесит! Уехать тебе надо на время.

Леночка. Ну нет, я не поеду.

Константин. После поговорим.

Акулина вносит огромную миску с супом.

Константин (крича). Папаша, что вы там? Я есть хочу. (Садится за стол.) Безобразие! Недостает, чтобы ели из одной плошки!

Входят Ванюшин и Арина Ивановна, Ванюшин в недурном настроении духа, но на него действует хмурый и недовольный Константин, и скоро он сам становится мрачен.

Ванюшин (обращается к стоящей у буфета Леночке). Что нос-то, сыч, повесила?

Леночка. Так, дядя... Я не повесила.

Ванюшин (кричит, подойдя к лестнице). Эй вы, вшивая команда, обедать!

Все садятся за стол. Сверху сходят Аня и Катя. Они держат себя натянуто и принужденно. Ванюшин разливает суп, каждый подставляет свою тарелку и ждет очереди.

А Людмила где?

Арина Ивановна. Вот она.

Людмила сходит с лестницы; она очень дурно себя чувствует и присутствует за обедом только по необходимости.

Ванюшин (обращаясь к Людмиле). Давай тарелку. (Ане.) Погоди, скороспелка! (Наливает сначала Людмиле, потом Ане.) А что “нижних” нет? (Обращается к Кате.) Постучи им.

Катя кочергой стучит в пол.

Константин. Как будто бы без них нельзя.

Ванюшин. А тебе жалко?

Константин. Не жалко, а только странно - ни одного обеда без них.

Арина Ивановна. Они уж три дня не обедали.

Константин. Надо на стене записать.

Ванюшин (обращается к Ане). Ешь хорошенько. Чего выбираешь, ковырялка?

Аня. Я морковь не люблю.

Ванюшин. Ешь все.

Молча продолжают есть. Входят Щеткины.

Щеткин. А мы только что сели за стол с Клавдией.

Клавдия. У нас сегодня индейка.

Ванюшин. Садитесь. Жареная индейка не убежит.

Щеткины садятся.

Щеткин. Опять суп из потрохов.

Ванюшин. Из потрохов. А ты не любишь?

Щеткин. Так себе. Какая любовь может быть к кушаньям. Мне всегда кажется смешным, когда говорят: люблю гуся, простоквашу. Забавно!

Клавдия. А сам очень часто говоришь так. Любишь солонину с хреном.

Щеткин. Мне нравится, а солонину я любить не могу.

Ванюшин. А ты ешь, суп-то остынет.

Молча все едят.

Катя. Папаша, у нас классная дама ушла.

Ванюшин. Ешь. Какая там дама! (Смотрит на Людмилу и, понимая ее настроение, хочет ее ободрить, сказать ей что-либо ласковое.) Ты что, вдова, жеманишься?

Обиженная Людмила выходит из-за стола.

Арина Ивановна. Куда же ты, Людмилочка? Папаша ведь пошутил.

Константин. Так не шутят. (Обращаясь к отцу.) Бестактно!

Ванюшин. Садись. Отцу-то пошутить нельзя?

Людмила садится.

Пальцем до вас не дотронься.

Константин. Вы бревном тычете.

Щеткин. Есть за папашей этот грешок. (Обращаясь к Константину.) Наконец-то мы с вами хоть в одном сошлись...

Константин. Очень сожалею.

Леночка. Полно, Костенька!

Входит Алексей с напускной развязностью. Он с утра бродил по улицам города и думал, как сообщить дома о своем увольнении из гимназии. И вот теперь, утомленный, он входит в столовую, пересилив стыд и решившись на все; раздевается в передней и с ранцем в руках идет и останавливается на лестнице.

Арина Ивановна. Алешенька, куда же ты?

Алексей. Папаша, меня выгнали из гимназии.

Все. Что?

Алексей. Меня выгнали из гимназии.

Ванюшин. Дождался!.. (Бросает в него ложкой и не попадает.) Ах ты!.. (Кидается за ним.)

Алексей вбегает наверх. Ванюшин догоняет его и, спотыкаясь на лестнице, убегает за ним. Из-за стола все встали. Аня и Леночка хотели было бежать наверх, но остановились на лестнице. Все чего-то ждут и прислушиваются. Сверху слышен голос Алексея: "Оставьте! Я не позволю, не позволю!" Падает что-то тяжелое, должно быть, стул. Через некоторое время Алексей показывается на лестнице. Волосы его растрепаны; от мундира оторвалось несколько пуговиц.

Алексей. Бить? Никогда! Ни за что! (Вбегает в переднюю, схватывает пальто.)

Ванюшин стоит наверху лестницы и держится за перила. От волнения он с трудом может говорить.

Ванюшин. Не давайте пальто, не давайте!

Алексей бросает пальто на пол.

Алексей. Не надо... Не давайте! (Выбегает в сени.)

За ним - Аня и Арина Ивановна. Ванюшин держится за перила и, шатаясь, спускается с лестницы, Леночка его поддерживает и уводит.

Клавдия. Куда он побег?

Людмила (с беспокойством). Как бы над собой он чего не сделал...

Константин. Ничего не будет.

Клавдия (обращаясь к мужу). Павлик, ты пошел бы...

Щеткин. Ну вот еще! Он как зверь.

Аня и Арина Ивановна возвращаются.

Арина Ивановна. Напротив убежал, к Араповым.

Аня берет пальто и фуражку Алексея.

Аня. Я с Акулиной пошлю ему. (Уходит в сени.)

Арина Ивановна. Где сам-то? Что с ним? (Уходит.)

Щеткин. Я всегда говорил, что он что-нибудь выкинет. Оболтус!

Константин. Дурак. Я знаю, за что его выгнали. Предупреждал его, так нет. Влюбился, потерял голову.

Клавдия. Уж что он только не проделывал! А говорят, дрянь какая-то, хористка из театра.

Щеткин. Я видел его третьего дня с ней на извозчике.

Входит Аня.

Константин. По несколько дней в гимназии не бывал - у нее сидел.

Людмила (обращаясь к Константину). А ты бы вот к ней поехал, да и отчитал бы ее хорошенько. Ведь это подло с ее стороны.

Константин. Был... Взял у нее пятьдесят рублей.

Клавдия. Так это он для нее украл. Ты что же мамаше-то не отдал?

Константин. Не твое дело - отдам.

Авдотья вносит второе блюдо - огромный кусок телятины.

Клавдия. Как же не мое дело, Костенька? Я ведь мамаше деньги дала.

Щеткин. Детские, из копилки. Мы не обязаны давать.

Константин. Вам тоже не обязаны, да дают...

Щеткин. Нет, это позвольте! Я имею нравственное право. Папаша не отрицает его, и вы напрасно злитесь. А ведь это странно, что вы не возвращаете взятые у хористки деньги и украденные вашим братом.

Константин. Довольно! (Вынимает деньги и кидает Щеткину.) Возьмите! Людмила, скажи мамаше, что я отдал за нее деньги Щеткиным. Обедать я не буду. В своем доме не дают есть! (Уходит в свою комнату.)

Людмила. И когда вы перестанете ссориться?

Щеткин. А вы, Людмила Александровна, думали, что за неделю вашего отсутствия все переменилось? (Смеется.) В этом доме никогда ничего не переменится. По-моему, в курной избе с мужиками жить лучше, чем здесь. Глупо вы сделали, что приехали.

Клавдия. Павлик, перестань.

Щеткин. Не перестану. Я прав и всегда скажу правду в глаза. Скандальнее дома Ванюшина нет во всем городе, только здесь все делается шито и крыто.

Входит Леночка.

(Говорит громко, стараясь, чтобы слышал Константин.) Где, в какой семье мальчишки-гимназисты имеют содержанок? Пример старшего брата очень заразителен,- я не удивляюсь Алексею. Оттягивать у родственников, у родной сестры, для побочной семьи... Очень хорошо!

Клавдия. Павлик, перестань!

Леночка. У Кости нет никакой побочной семьи. Вы говорите неправду.

Щеткин. Ах оставьте! Знают все в городе. Кассирша из магазина Павленкова ходит в шелках и бархате. Всем известно, кто ее одевает, как куклу и камелию.

Леночка. Неправда.

Людмила. Правда это или неправда, только вам-то не следовало бы говорить этого, да еще при девочках. Простите меня, Павел Сергеевич, вы много грязи и ссоры вносите в нашу семью.

Щеткин. “В нашу семью”! Заступаетесь за нашу семью! Напрасно, долго вам здесь жить не придется.

Клавдия. Перестань!

Щеткин. Ты можешь оставаться на этом милом званом обеде, а я - слуга покорный. Кусок в горле застрянет. (Уходит.)

Леночка. Хорошо, что ушел. Костенька услышал бы - беда была бы.

Клавдия. Он раздражительный - наговорит, наговорит, а потом сам кается.

Входит Арина Ивановна.

Арина Ивановна. Кушайте одни. Сам-то лег, уж больно расстроился. Компресс ему на голову положила, успокоительных капель дала.

Клавдия. Какой тут обед! (Закуривает папиросу.)

Леночка и Катя садятся и едят.

Арина Ивановна. Что будет с Алешенькой - не знаю!.. Надо ему покушать наверху оставить: ночью придет - съест. Вот, Людмилочка, как у нас дела идут... из рук вон, просто из рук вон.

Людмила. А вы не расстраивайтесь, мамаша. Вы думаете, только у нас в семье так?.. Есть такие семьи!

Арина Ивановна. За доктором хотела послать - не хочет. Не любит он лечиться.

Аня. Взять да послать. С ним может что-нибудь случиться. Больных не спрашивают.

Арина Ивановна. Без тебя знают! Садись кушай!

Входят Красавин и Авдотья, с кульком и дорожными вещами Красавина. Она помогает ему раздеваться. Красавин, щедушный, хилый, производит впечатление чахоточного человека лет тридцати семи. На нем дорожная тужурка и светлые брюки; массивная золотая цепь висит на груди; на руках брильянтовые кольца. Волос на голове мало; они и раздвоенная небольшая бородка тщательно причесаны. Он немного пьян, часто и дико смеется, говорит горячо и тоже каким-то диким, высоким тенором. Его приездом все присутствующие в столовой страшно удивлены. Людмила побледнела и смотрит на него злыми глазами.

Красавин. Не ждали? К теще в гости пожаловал, но не с пустыми руками - по-московски, с подношением. Мы по-христиански, добром за зло! Ха-ха-ха! Авдотьюшка, пожалуйста сюда кулек. Тут все: и филипповские сухари и абрикосовские конфеты. (Кладет кулек на стол.) Ну-с, а теперь по-родственному целоваться давайте! (Целуется с Ариной Ивановной и со всеми по очереди; к Людмиле подходит к последней.) А вам особенный и нижайший... Ха-ха-ха! (Низко кланяется, доставая рукой пол.) Простите свирепого, простите нелепого, простите окаянного! Вот как мы! Знай наших! (Ударяет себя в грудь.)

Людмила. Вы пьяны, поезжайте в номера, проспите, а потом приезжайте.

Красавин. Не дело. К тестю зять приехал да в номера поедет - не дело!

Арина Ивановна. Зачем же, Людмилочка, в номера? Алешеньки дома нет, пока в его комнате можно. Ступайте сосните, Степан Федорович.

Ванюшин (из спальни). Аринушка!

Арина Ивановна. Александр Егорович зовет. (Уходит в спальню.)

Людмила. Зачем вы приехали?

Красавин. Об этом уж с отцом будем говорить.

Людмила. Он болен.

Красавин. Подождем, когда выздоровеет. Ха-ха!

Входит Арина Ивановна.

Арина Ивановна. В спальню вас зовет. Лежит он.

Красавин. С удовольствием. (Уходит.)

Авдотья. Убирать, что ли, со стола?

Арина Ивановна. Убирай... не до тебя!

Клавдия (обращаясь к Ане и Кате). Вы бы пошли лучше наверх.

Катя. Ну вот еще! Нам интересно.

Арина Ивановна. Ступайте, ступайте! Делать вам здесь нечего.

Катя. А вам есть что?

Арина Ивановна. Ступайте!

Леночка, Аня и Катя уходят наверх и сверху подсматривают, что делается в столовой. Арина Ивановна подходит к двери спальни и подслушивает.

Людмила. Мне надо уехать... Я знаю, что он будет безобразничать и для скандалов только приехал сюда.

Клавдия. Куда же ты поедешь?

Людмила. Куда-нибудь. Остаться здесь нельзя.

Арина Ивановна (отойдя от двери, тихо). Двадцать тысяч просит, тогда, говорит, возьму обратно. (Опять подслушивает.)

Людмила. Подлец!

Авдотья. Выгнать его, да и все, что в самом деле!

Клавдия. Только и стоит.

Людмила. Дай мне денег. У меня ни копейки нет. Я не могу уехать.

Клавдия. Да у меня тоже нет.

Людмила. Возьми у мужа. Скажи, что я прошу.

Клавдия. Не даст: он на тебя сердится.

Людмила. За что?

Авдотья уходит в сени и уносит со стола посуду.

Клавдия. Ты его несправедливо обвиняешь... Он ни в чем не виноват.

Арина Ивановна (опять отойдя от двери). Пятнадцать только просит. (Продолжает подслушивать.)

Людмила. Дай мне денег. Я знаю: я перед тобой виновата, но прости меня, пожалей... Ты видишь мое положение.

Клавдия. Да когда нет... Что же делать?

Людмила. Ну хоть сколько-нибудь, только на дорогу.

Клавдия. Нет у меня.

Людмила. Заложу вещи.

Клавдия. Павлик не позволит.

Людмила. Не смеет он не позволить. Он должен помочь мне.

Клавдия. У него семья, дети. Что это такое за “должен”?

Людмила. Сестра!.. (В отчаянии.) Чужие, чужие! (Тихо рыдает, склонившись на стол.)

Клавдия. Не тебе упрекать меня.

Арина Ивановна (отойдя от двери). Полно тебе, Людмилочка! Пойдем от греха... Кажется, сюда идут. Спрячемся где-нибудь.

Все уходят. Через некоторое время входят Ванюшин и Красавин. Ванюшин в халате.

Красавин. Я человек коммерческий, в полном смысле мошенник... И горжусь этим! (Ударяет себя в грудь.) Нынче жить иначе нельзя. Кто взял палку, тот и бьет. Вся Москва знает, как я сумел получить страховых сорок тысяч, когда сгорело на пятнадцать. Вот какой я! У меня хозяин вот где сидит. (Показывает кулак.)

Ванюшин. Бог тебя знает, что ты мелешь. Знал я тебя за дельного человека, непьющего, а теперь просто не узнаю. Помешался словно ты. Ступай лучше проспись, а потом поговорим.

Входит Авдотья.

Красавин. Что у пьяного на языке, то у трезвого на уме. На любой бирже справьтесь: на бесчестие высокий тариф стоит, а у нас в Москве в особенности.

Ванюшин. Вот тебя Авдотья спать отведет. (Обращаясь к Авдотье.) Веди его.

Авдотья. Да и в самом деле - пойдём, Степан Федорович. Чего фордыбачишься?

Красавин. Авдотья! Люблю тебя, Авдотья! Славная баба! А сколько я тебе на чай дал, когда был женихом?

Авдотья. Десять рублей.

Красавин. То-то, помни!

Ванюшин. Иди, будет канителиться.

Авдотья ведет его на лестницу.

Красавин (с лестницы). А только мое слово неизменно: не меньше пятнадцати тысяч. (Уходит.)

Ванюшин подходит к комнате Константина.

Ванюшин. Дома ты? Отопри!

Голос Константина: “Что вам нужно?”

Отопри. Говорить хочу я с тобой.

Константин отпирает дверь. Ванюшин входит в комнату. Сверху сходят Леночка, Аня и Катя.

Леночка. Всем нельзя - услышат. Ты одна, Катя, на цыпочках подойди.

Катя. Я уж знаю как. (На цыпочках, осторожно подходит к двери комнаты Константина и подслушивает.)

Леночка и Аня садятся на ступеньки лестницы.

Аня. А как ты думаешь, зачем он теперь приехал?

Леночка. Тише говори. Не знаю.

Аня. А бил он Людмилу?

Леночка. Хотел, да она убежала. Никогда, Аня, не выходи замуж без любви.

Аня. Я не выйду. А любить хорошо?

Леночка. Любовь - это все в жизни, для нее только и стоит жить.

Аня. Алешу за любовь из гимназии выгнали. Должно быть, хорошенькая она?

Леночка. Скверная женщина.

Аня. А что в ней скверного?

Леночка. Она арфистка.

Аня. Арфистки все нехорошие? Они никого не любят?

Леночка. Кто деньги дает, того и любят.

Аня. И целуют?

Леночка (тихо, Кате). Катя! (Зовет ее жестом руки.) О чем они говорят?

Катя осторожно подходит к ним.

Катя. Плачет папаша, просит его на Распоповой жениться, а он не хочет.

Леночка. А он что говорит?

Катя. Говорит, что никогда без любви не женится.

Леночка. Ступай. Слушай!

Катя подходит к двери.

Аня. Он тебя любит, Леночка?

Леночка. Ты, Аня, об этом никому не говори. Мы очень друг друга любим. Я б хотела, чтобы ты так же любила.

Аня. Костя никого не любит, кроме тебя, ни мамы, ни сестер.

Леночка. Его никто не понимает в семье, только я одна. У него добрая душа.

Аня. Нет, неправда это. Он злой; все только для себя одного делает.

Леночка. Ты не знаешь его.

Аня. Да он никогда не говорит с нами.

Из комнаты доносится голос Константина: “Никогда, никогда я этого не сделаю!”

Катя (отбегает от двери). Костя рассердился. Собирается в магазин. (Бежит вверх, за ней - Леночка и Аня.)

Входят Константин и Ванюшин. Константин одевается.

Константин. Я для вас много сделал... Я бросил карьеру, не пошел в университет, засел за прилавок, чтобы помогать вам, но этого вы не цените... Вы хотите, чтобы я самое дорогое, что у меня осталось и к чему сводится весь смысл моей жизни - мою будущую семью - принес в жертву ради пьяного приказчика из Москвы, для того только, чтобы в глазах других облагородить мою сестру. Вы можете считать меня дурным сыном, но я этого сделать не могу, не могу жениться на вашей Распоповой или Раскоповой какой-то там. (Хочет идти.)

Ванюшин. Постой! Ведь он по всей Москве разблаговестит. Скажут, Ванюшин не дал денег, грошей не дал... Кредита не будет. Как торговать-то мы с тобою будем?

Константин. Кредит будет. Это вздор.

Ванюшин. А с какими глазами мы в Москву-то покажемся? Да я скорее в гроб лягу, чем поеду туда.

Константин. Итак, значит, один выход: я должен жениться. Этого я не сделаю! Пускай лучше все в трубу вылетит! Я проживу и без торговли.

Ванюшин. Врешь! Есть сладко да спать мягко только ты и можешь, а это так говоришь, пыль в глаза мне, старику, пускаешь, дурачишь отца. Денег не хочет! Знаю, как ты не хочешь... Не хотел бы, так за прилавок-то не сел; они-то тебя и приковали к прилавку.

Выучился слова говорить, да и тычешь ими в нос. “В университет пошел бы! Помогаю вам!” Помощник, дери тебя горой! Сказал бы просто, что ни мне, ни сестре, ни делу помочь не хочешь...

Константин. Надеюсь, вы кончили? Я вас слушал только потому, что вы мой отец. (Уходит и сильно ударяет дверь.)

В столовой почти темно. Ванюшин садится у стола. Смотрит в одну точку и напряженно о чем-то думает.

Ванюшин. Не поправишься... Нет... Что делать-то? (Кладет руку на голову.)

Арина Ивановна робко и тихо подходит к нему. Он не видит ее.

Что делать-то? Голова кругом...

Арина Ивановна. Александр Егорович, что с тобой? Зачем встал-то, ступай ляг.

Ванюшин. Божья старушка, научи, скажи что-нибудь... Руки у меня опускаются...

Арина Ивановна. Я Клавдиньку с Людмилочкой позову.

Ванюшин. Не надо. И не говори им ничего про меня. Несчастные, все несчастные!

Арина Ивановна. Да не убивайся ты... Все обойдется... С чем приехал, с тем и уедет...

Ванюшин. Не обойдется... нельзя, чтобы обойтись... Души у них у всех несчастные.

Арина Ивановна. Да про кого ты говоришь?

Ванюшин. Работать не могут, жить не могут... Старуха, кто у нас детей-то сделал такими? Откуда они? Наши ли?

Арина Ивановна. Уж я не знаю, что ты и говоришь...

Ванюшин. Для них старался, для них делал - и всем врагом стал.

Арина Ивановна. Грозен ты уж больно. Вон Алешеньку-то как перепугал.

Ванюшин. Грозен, боятся... А знают ли они, как смотреть-то на них жалко? Не чувствуют, ничего не чувствуют... Словно не отец я им.

Арина Ивановна. Я Алешеньке скажу.

Ванюшин. Не надо. Пусть думают что хотят про отца. Все равно, немного нам с тобой жить, как-нибудь доживем. Устал я сорок лет вести вас. Рукой на все махну. Пусть живут как хотят! И для чего работал? Для чего жил? Грош к грошу кровью приклеивал... Суетна ты, жизнь человеческая! (Задумывается.)

Арина Ивановна уходит в спальню и возвращается с бутылкой святой воды; мочит ему голову.

Ванюшин. Что ты?

Арина Ивановна. Водицей святой из ключа Семиозерной пустыни.

Ванюшин. Вот ты мочила бы детям-то головы, да не теперь, раньше... Оставь!

Арина Ивановна. Я за Костенькой пошлю.

Ванюшин. Не надо. Не смей говорить ничего никому. Мне больнее будет... Слышишь - не смей! Я пойду лягу. (Идет в спальню, Арина Ивановна его поддерживает.) А ты молись. Я люблю, мне легче, когда ты молишься.

Уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гостиная в доме Ванюшина. Узкая, длинная комната, отделяющаяся аркой от зала. Зал виден. Арка увита плющом, и по обеим сторонам ее стоят большие розаны в деревянных кадках. Мебель старого фасона, из красного дерева. В глубине огромный рояль из такого же дерева; большой зеленый ковер с красными цветами застилает половину комнаты. Слева на первом плане окно, заставленное диваном; по бокам дивана две высокие деревянные тумбочки, на которых стоят искусственные букеты в вазах под стеклянными колпаками; преддиванный стол и кресла. Справа дверь; у дверей этажерка с серебром и золотом; два больших до потолка зеркала по бокам окна, выходящего на улицу. Мягкие стулья расставлены по стенам; на стенах бра и художественные картинки, случайно лопавшие в дом Ванюшина. В зале перед аркой такое же зеркало, как в гостиной, и множество стульев, плотно расставленных по стенам. По случаю торжественного дня, причастия Ванюшина, Акулина приготовляет чайный стол в зале. Аня и Алексей входят в гостиную.

Аня (таща Алексея за рукав). Да посиди ты здесь! Он не скоро придет. Здесь воздуху больше. Все наверху да наверху. Вот сядем у окна и будем смотреть. Как из церкви пойдет народ, ты и уйдешь наверх. (Садится у окна, выходящего на улицу.)

Алексей. Сегодня совсем весна... Солнце-то как светит...

Аня. Хорошо на улице. Пойдем гулять к Волге, полынья у пристаней большая-большая, словно Волга уже разлилась.

Алексей. Не хочется. Противно на народ смотреть. Еще знакомых встретишь, начнутся сожаления, допросы. Сожалеют, считают тебя погибшим, как будто бы они лучше. Идиоты!

Аня (смотрит в окно). Вон барышня Распопова подъехала к церкви... Алеша, хочешь кушать? Я пирожков из кухни принесу.

Алексей. Нет.

Аня. Я принесу. Когда тебе наверх-то еще пришлют! Я сейчас. (Убегает в кухню за пирожками и скоро возвращается.) Только четыре еще изжарили. Бери. Я один съела.

Алексей. Я наверх с собой возьму. (Хочет идти.)

Слышен церковный звон.

Аня. Не скоро он придет. Вот только сейчас второй звон.

Алексей садится.

Распопова почти каждый день в церкви бывает. Я знаю, зачем она ездит. Хитрая... Костя на ней все равно не женится, напрасно ездит. Он даже и не замечает ее.

Алексей. Он не имеет права.

Аня. Да, он не может.

Алексей (удивленно смотрит на нее). А ты откуда знаешь?

Аня. Мы все с Катей знаем, все-все! Мы у Леночки дневник читали.

Алексей. Это нехорошо. Постоянно вы подслушиваете, подглядываете. Такие же будете халды, как сестры.

Аня. А ты откуда знаешь?

Алексей. Я так вижу, я все вижу, что у каждого на душе делается.

Аня. Ты умный, Алеша.

Алексей. Глупый - не дотянул лямки в гимназии. Но я еще покажу им всем! (Волнуясь.) Они думают, что ничего нет важнее в жизни гимназического аттестата. Есть! Аттестат я добуду.

Аня. Как же, Алешенька?

Алексей. Сдам выпускной экзамен, да и все. Я не дам им погубить себя из-за бумажонки!

Аня. Вот будет хорошо!

Алексей. А уж тогда я поговорю. Говорить мне хочется, а никто не слушает, не с кем говорить.

Аня. Скажи мне.

Алексей. Не поймешь ты. У нас в семье не с кем говорить: брат умеет только фыркать, мамаша больше тебя ребенок, от отца после каждой свободной фразы, вырвавшейся из сердца, приходится прятаться, чтоб он не схватил бы тебя за волосы и не начал таскать по полу... про остальных и говорить нечего.

Аня. Нехорошо у нас, не так, как у других.

Алексей. Нехорошо, Аня.

Аня. Папаша теперь не сердится на тебя... только ни с кем не разговаривает, все больше один сидит. Вчера я была в церкви, он исповедовался. Как он плакал, Алеша! На всю церковь слышно было. А вышел от попа, так ширмочку чуть не уронил, за которой исповедуются,- знаешь?

Алексей. Не понимаю я его.

Входит Константин с книгой.

Константин. А, затворник, спустился наконец сверху! Поумнел? Сколько ты ни сидел бы в своей комнате, ровно ничего не высидел бы. Что решил ты делать?

Алексей. Уехать.

Константин. Цель?

Алексей. Прежде всего хочу уехать из дому.

Константин. Глупо... мальчишество! Надо ясно выяснить себе - куда, зачем.

Алексей. Я это выяснил.

Константин. Ты не хочешь поделиться своими планами?

Алексей. Да, покуда не хочу.

Константин. Напрасно, я тебе мог бы, может быть, помочь. Я сам думал, что тебе лучше уехать. Хочешь, я поговорю с отцом?

Алексей. Я сам могу. Благодарю тебя. (Уходит; Аня - за ним, захватив пирожки.)

Константин. Свинья! (Садится на диван и читает книгу.)

Входит Леночка.

Леночка. Костенька, ты здесь! (Подбегает к нему и целует.)

Константин. В зале, может быть, кто-нибудь есть...

Леночка. Никого нет. (Ласкает его.) Где ты вчера был? Я не спала всю ночь... думала...

Константин. В клубе играл в карты. (Отстраняет ее от себя.)
Перестань! Могут войти.

Леночка отходит от него и, недовольная, садится.

Я расстроен, Лена, всеми этими домашними дрызгами... конца им не будет! Отец до сих пор на меня дуется, не говорит ничего. Кажется, если бы я получил где-нибудь в конторе пятьдесят рублей, я ушел бы один или хоть бы с тобой... я был бы счастливее.

Леночка. Вот если бы мы жили с тобой где-нибудь в деревне, в маленьком хуторке... Вместе гуляли бы, катались на лодке...

Константин. Я об этом, Лена, перестал думать. Все это несбыточные мечты.

Леночка. А раньше говорил, что это легко... говорил, что накопишь денег, уедем в деревню... Я мечтала, надеялась.

Константин. Опять за старое? Брось эти мечты! На мне дело, целая семья... Что говорить сто раз об одном и том же!

Леночка. Да как же мне не говорить? Ты сам знаешь...

Константин (грубо). Была там?..

Леночка. Нет.

Константин. Ну вот видишь!

Леночка. Мне неловко, стыдно...

Константин. Ничего не значит. Это очень обыкновенно... Поезжай в слободу, там на узкой улице живет какая-то... не знаю, как ее фамилия... спросишь: где тут живет акушерка?- всякий покажет. Она тебя не знает - не все ли равно?

Леночка. Да что там ездить? Я чувствую...

Константин. Ну, Леночка, для меня. Если это так, я просто голову потеряю!

Леночка. Говорил, что, если будет ребенок, уйдешь... Константин. Довольно... говорить здесь неудобно... Приходи ночью.

Пауза. Леночка хочет еще что-то сказать, но не решается.

Я читаю дневник Нансена. Замечательно интересно! Представь себе: холод, постоянная ночь, кругом лед, и среди этого льда - кучка людей.

Леночка. Месяц пройдет, что же я буду делать?

Константин. Тебя ничем не заинтересуешь! Как я ни стараюсь, ничего не выходит. Ничего общего! Удивительно интересно иметь такую жену...

Леночка. Я слышала... Ты говорил: один лед и люди...

Константин. Ну что же, один лед и люди?..

Леночка. Да ты же говорил...

Молчание. Константин читает.

Костенька, почитай вслух.

Константин. Иди лучше ковыряй иглой.

Леночка. Тут ничего нет такого. Я сама себе все шью. Что же из этого? Я дома и на других работаю.

Константин. Вот и поезжай и шей дома! Я думал, что из тебя можно что-нибудь сделать... Грамматику и в руки не берешь, больше месяца не диктовали.

Леночка. Какая тут диктовка! Не то на уме...

Константин. Довольно, оставь свои жалобы!

Из зала выходит Красавин, он мрачен после похмелья.

Красавин. Что это не видно Людмилочки?

Леночка. Она в церкви.

Пауза.

Красавин. Скука у вас.

Константин. Что же вы не едете в Москву?

Красавин. Выгоняете?

Константин. Я спрашиваю.

Красавин. Вы лучше бы, как родственник, дали бы мне совет.

Константин. Не пейте. Две недели пьете. Телеграммы каждый день, а вы не едете.

Красавин. Двадцать пришлют, тогда поеду. Я их не боюсь! Вы думаете, меня прогнать могут? Никогда. Я в деле все... даром что приказчик, а у меня десять тысяч в деле. Не думайте...

Константин. Мне это неинтересно.

Красавин. Вы ничем коммерческим не интересуетесь. Какой вы коммерсант? Вам только книги читать бы...

Константин. Я прошу вас прекратить.

Красавин. По-моему, так: книги так книги, коммерция так коммерция! Помяните мое слово: вы проторгуетесь. Разве есть у вас порядок в магазине? У меня в Москве...

Церковный звон.

Леночка (у окна). Обедня кончилась, народ выходит.

Красавин. Купец должен вставать в шесть часов утра и ни о чем не думать, кроме торговли.

Леночка. Сколько народу! Латышиха причащалась!

Красавин. Отец - торговец, а вы - никакой. Это я вам в глаза прямо говорю.

Константин. Вы хам.

Красавин (горячо). А вот через два-три года по Тверской на резиновых шинах поеду, в собственной коляске!.. Хам, а поеду! Грязью обливать стану, ха-ха-ха!

Константин. Перестаньте...

Красавин. Вот вам икону сыму! Издохну, если этого не будет!

Константин. Вы совсем дикий человек, на вас обижаться нельзя! (Встает и уходит; в зале встречается с Ванюшиным и целует у него руку.)

Ванюшин входит.

Красавин. Удрал! Не любит правды.

Ванюшин. Что ты тут буянишь?

Леночка (целует руку). Поздравляю вас, дядюшка. (Уходит.)

Красавин. С Константином у нас разговор вышел.

Ванюшин. Во-первых, он тебе не Константин, а во-вторых, ему с тобой и разговаривать не о чем. Разговаривай со мной. Если ты не пьян, я поговорю с тобой. Скажи на милость, скоро ли конец будет этому?

Красавин. Чему?

Ванюшин. Да твоему поведению.

В зале Арина Ивановна, Людмила, Клавдия, Леночка садятся пить чай.

Красавин. Когда прикажете?

Ванюшин. Постой, не скоморошничай! Я сегодня причащался и ссориться не хочу; хочется мне, чтобы все в семье своей уладить, определить. Скажи мне прямо и просто: чего ты хочешь?

Красавин. Чтобы жена со мной поехала.

Ванюшин. Ведь ты денег хотел?

Красавин. Я вам верю: вы отдадите, когда будут у вас. Я вот какой человек! А без жены мне возвращаться в Москву неловко, стыдно... смеяться будут...

Ванюшин. Так. Вот мы теперь и спросим у нее, хочет ли она возвращаться к тебе. (Зовет.) Людмилочка!

Людмила входит.

Арина Ивановна (из зала). Александр Егорович, иди чай пить! После будешь разговаривать.

Ванюшин. Погоди. (Обращается к Людмиле.) Вот муж в Москву зовет - поедешь? Говори, что есть на душе; помни, отец у тебя не зверь, худого тебе не желает, лишний рот не разорит его.

Людмила недоверчиво относится к словам отца и удивлена ими.

Людмила. Я не знаю.

Ванюшин. Как не знаешь?

Людмила. Ни к нему ехать, ни у вас не хотелось бы остаться. Это вы так говорите, а потом будете молчать да дуться. От одних ваших взглядов убежишь.

Красавин. Понятно, так. Что на шее у отца-то сидеть... Поедем, Людмилочка.

Ванюшина больно затрагивают слова дочери; он хотел бы сказать ей, как она несправедлива, но не умеет высказать этого.

Ванюшин. Нет, не так. Я всегда и тебе и другим желал только хорошего, а выходит не то. Глядел - душа плакала, а вы злобу да вражду во взглядах моих видели. Отца-то вы не знаете.

Людмила. Вы все молчите, а если говорите, то ругаетесь.

Ванюшин. А вот теперь тебе говорю и не ругаюсь: погоди ехать; видишь, каким он хахалем стал! Пусть переменится, пить перестанет, за ум возьмется, тогда сам пошлю, сам буду советовать.

Красавин. Да если, Людмилочка, ты поедешь - не узнаешь меня! Все забуду, язык сам себе вырву, когда он хоть одним словом посмеет намекнуть. Вот как!

Людмила. А пить не будешь?

Арина Ивановна, Клавдия, Леночка, заинтересованные разговором, стоят в арке.

Красавин. Ни рюмки! За десятерых буду работать! Через два-три года на резиновых шинах поедем...

Людмила. Какой вы глупый!

Красавин. Да уж книг не читаю и считаю даже лишним для коммерсанта это. Я человек торговый, у меня каждый палец

коммерческий, каждый ноготь о выгоде думает. Вы вот что во мне цените! (Бьет себя кулаком в грудь.)

Людмила. Все равно: и здесь скверно и у вас скверно. Я еду.

Арина Ивановна. Людмилочка, что ты!

Леночка. Она шутит.

Людмила. Я еду.

Ванюшин. Подумай, Людмила, что ты делаешь!

Красавин. И нечего думать! Прекрасно делает, хуже не будет! Я сейчас же телеграмму дам о выезде. Завтра, а если успеем, и сегодня уедем. (Идет и возвращается.) Тебе, может быть, на дорогу что-нибудь надо купить? Возьми. (Дает Людмиле сто рублей и уходит.)

Ванюшин. Объясни мне, что же это такое значит: пришла, отца обвинила, что насильно тебя замуж вытолкал, а теперь сама к нему бежишь? Ни достоинства, ни уважения к тебе: приехал, надругался, а как только поманил резиновыми шинами, ты и бежишь к нему... Меня-то еще больше позоришь.

Людмила. Да какая жизнь здесь? За эти две недели, что я у вас, я измучилась... Вечно сознавать и чувствовать, что ты здесь лишняя, в тягость... Это ужасно! А потом эти постоянные ссоры то из-за одного, то из-за другого...

Клавдия. По-моему, Людмила делает прекрасно. Павлик говорит, что лучше с мужиком в избе жить, чем здесь.

Людмила. От одного братца Костеньки сбежишь куда глаза глядят.

Входит Константин.

Клавдия. Вот видите, он сейчас дал ей сто рублей, а ей нужны были перчатки, так она ни у кого не могла достать здесь двух рублей - у меня взяла. Ты не забудь отдать.

Константин. Я мешаю жить? Мне кажется, последняя прачка не возвратилась бы к такому хаму.

Клавдия. Это ты так только говоришь.

Людмила. А сам первый дашь почувствовать, что я здесь лишняя. Попроси у тебя двадцать копеек, ты не дашь, да еще кричать начнешь.

Константин. И эти женщины чему-то и когда-то учились! Мелочны, как торговки с толчка!

Ванюшин. Не ссорьтесь! Дайте хоть один день мне провести спокойно. Причащался я сегодня, думал по-другому жить начать, выше

денег да торговли покой души считать, хоть бы разорение через это пошло... а выходит совсем иначе. Я с добром, а вы с колом.

Константин. Разорения я, во всяком случае, не допущу! Вам все равно, а у меня еще целая жизнь впереди.

Ванюшин. Не то, Константин, не то. Разве я могу разорять тебя? Не дай бог увидеть мне вас нищими! Не переживу я этого. А хочется мне прежде всего о душах ваших больше думать; вижу я, что тьма в них, корысть да вражда. Деньгами тут не поправишь. Говел я и думал....

Константин. Вы, кажется, в ханжество ударились? Это, по мнению нашего зятя Красавина, коммерческому лицу не к лицу...

Людмила. И он прав. Распустите нюни, все сквозь пальцы потечет.

Ванюшин. Ну будет. Раз хотел с вами по душе побеседовать - священник в церкви мне советовал,- да вижу, не понять вам. Старуха, угощай чаем.

Арина Ивановна. Самовар не потух ли? Чудесный ты сегодня, Александр Егорович... душа моя радуется.

Ванюшин, Арина Ивановна, Константин, Людмила и Клавдия уходят в зал, к чайному столу. Оставшиеся Аня и Леночка стараются говорить тише.

Аня. Вот папаша какой сегодня!

Леночка. Я его просто не узнаю. И что с ним сделалось.

Аня. Надо Алешу позвать, сегодня он его простит.

Леночка. Как бы опять не рассердился? Сегодня не надо, такой день...

Аня. Я мамашу спрошу. (Подходит к арке.) Мамаша!

Арина Ивановна (из зала). Асинька?

Аня. Можно вас на одну минуточку?

Арина Ивановна. Сейчас. (Входит.)

В это время в зале появляется Щеткин. Он здоровается с Ванюшиным и поздравляет его с днем причастия. Клавдия сообщает ему о решении Людмилы возвратиться к мужу. Щеткин очень доволен. За столом оживленный разговор.

Арина Ивановна. Что тебе?

Аня. Мы хотим позвать Алешу, чтоб он с папашей повидался.

Арина Ивановна. Хорошо, сегодня можно, он простит его.

Входит Катя.

Аня. Я сейчас.

Арина Ивановна. Скажи, что я велела... бояться нечего.

Аня. Я его притащу. (Обращается к Кате.)

Катя. Куда?

Аня. Алешу звать... Идем, вместе лучше уговорим.

Катя. Папаша здесь.

Аня. Вот мы и хотим, чтоб он сошел... папаша сегодня добрый, хороший.

Арина Ивановна. Ступайте вместе, скажите, что я велела.

Катя. Идем.

Уходят.

Арина Ивановна. Чай, не придет? Авось ради такого дня все исправится. А ты что, Леночка, что?

Леночка. Я не хочу.

Арина Ивановна уходит. Леночка садится у окна. Щеткин, еще в зале заметив ее, подходит к ней.

Щеткин (здороваясь). Мое почтение. В уединении? Мечтаете? Вам есть о чем мечтать...

Леночка. Каждый человек мечтает.

Щеткин. А вы в особенности. Ах да! Я должен перед вами извиниться...

Леночка. За что?

Щеткин (подчеркивая каждое слово). Я наклеветал на Константина Александровича. Вы в столовой были совершенно вправе за него заступиться: он ни с какой кассиршей не живет, да ему и незачем.

Леночка. Вы постоянно клеветаете... И какое вам дело?

Щеткин. Никакого дела, если это на стороне, но раз в семье, к членам которой имею несчастье принадлежать я,- это другое дело... Да-с.

Леночка. О чем вы говорите?

Щеткин. Вы прекрасно знаете. Слухами полна вся дворня.

Леночка (вспыхнув). Я Косте скажу.

Щеткин. Будет очень глупо; я передаю только как слух, но не утверждаю. (Уходит в зал.)

Входят из двери Аня, Катя и Алексей.

Аня. Иди! Он сегодня добрый, хороший. (Тащит Алексея за рукав. Катя помогает ей.)

Катя. Надо же когда-нибудь.

Взволнованная и испуганная Леночка выходит в зал и, не видя в нем Константина, идет искать его.

Аня. Я пойду скажу ему. (Нерешительно доходит до арки и говорит.) Папаша, Алеша пришел.

Ванюшин (в зале). Пришел! Где? (Входит в гостиную.)

Пауза. Алексей после некоторого колебания подходит к нему и целует у него руку.

Алексей. Простите за все. Я вам много горя сделал.

Ванюшин. Ну ничего, ничего... Садись. (Садится.)

Пауза. Аня и Катя выходят в зал.

Горяч я. Меня винить нельзя... отец ведь... Садись.

Алексей садится.

Говори, что ты надумал? Говори прямо, как товарищу, не бойся.

Алексей поражен переменной отца.

Что ты молчишь? Говори. Нельзя так жить, ничего не делая, наверху сидеть. Самому, чай, тяжело?

Алексей. Мне тяжело... Вы не думайте, что я дурной... Мои поступки нехорошие - это я сам знаю, но... (сдерживая слезы) мне хочется быть лучше.

Ванюшин. Не понимаю.

Алексей. Все меня считают каким-то погибшим, никуда не годным. Если выгнали из гимназии, так и не человек, значит, я? Никуда нельзя глаза показать, сожалеют, читают нравоучения, давят, гнетут, озлобляют до того, что хочется сделать иногда что-нибудь дерзкое, жестокое.

Ванюшин. Уж ты много сделал.

Алексей. Само собой все выходило,- не думал, а делалось... Не мальчик я, и давно уже не мальчик, а меня считают за какого-то маленького, не говорят, дерут, потчуют прописными моральями. Гимназическое начальство с высоты своего величия изрыгало свои наставления и ябедничало, сплетничало вам, как последняя кухарка...

Ванюшин. Не по голове же нужно было тебя гладить.

Алексей. Не гладить, а только не злить, не возмущать.

Ванюшин. Ты сам всех возмущал. Сам же сознаешься, что нехорошо вел себя.

Алексей. Вот в том-то и дело, что я хорошо не знаю, дурно ли я вел себя или нет.

Ванюшин. Да как же не дурно, Алексей? Пьянствовал, кутил с какими-то девчонками - это в твои-то годы! Начальство ведь все знало.

Алексей. Начальство это знало, знали и вы, но что делалось во мне, вы этого не знали - до этого ни вам, ни им не было никакого дела. Дурной, выбившийся из рук мальчишка - бей его, запирай в карцер, записывай в кондуит, выгоняй! Простите, я, может быть, говорю так, как не следует говорить сыну...

Ванюшин. Нет, говори. Слушаю я тебя и сам не знаю, что думать. Ишь какой адвокат! Я не знал, что ты так и говорить-то умеешь.

Алексей. Не мудрено. Ведь как это ни странно, я с вами говорю первый раз в жизни. Я многое мог бы сказать вам, да мне неловко и стыдно говорить с вами.

Ванюшин. Говори.

Алексей. Не могу. Я только буду просить вас позволить мне уехать отсюда. Дайте мне на первое время денег, и я больше не буду вас беспокоить ничем. Вот что я решил.

Ванюшин. И ты, значит, бежишь от меня? Все бегут... Куда же ты поедешь?

Алексей. В Петербург. Постараюсь сдать экзамен на аттестат зрелости и жить уроками.

Ванюшин. Что же тебе дома не готовиться? Без всяких уроков мог бы жить.

Алексей. Дома! У нас дома жить нельзя, а не только готовиться. Здесь, не говоря ни слова, молча гнетут и сушат друг друга. Дышать свободно нельзя!

Ванюшин. Что у нас ладу нет в семье, это я сам чувствую, и тяжело мне. Так вот ты и растолкуй мне, старому старику, своим молодым умом, как быть. Что мне делать-то? Подсоби... Будь хоть ты человеком.

Алексей. Я не знаю, что вам сказать. Вы просите у меня совета,- это так ново для меня, так необыкновенно.

Константин появляется в зале, он взволнован и бледен. Проходя через залу в гостиную, он успевает бросить Щеткину следующую

фразу.

Константин. Вы распространяете сплетни! Я вам покажу, как сплетничать! (Обращаясь к Ванюшину, входит в гостиную.) Если вы не положите этому конец, я уйду из дому. Я требую, чтобы Щеткин не вмешивался в нашу семью и в доме у нас не жил!

Ванюшин. Что такое?

Константин. Щеткин изволит на меня наговаривать пасквили...

Щеткин вбегает в гостиную.

Щеткин. Я никогда ничего не говорил. Вы с ума сошли!

Константин. Вы говорили, что я живу с Еленой... Мерзавец! (Бросает в него пепельницей, но не попадает.)

Клавдия вбегает в зал и с Алексеем удерживает Щеткина. Арина Ивановна, Людмила, Аня и Катя стоят в арке. Леночка появляется в зале.

Ржавчина, проедающая каждого до костей! Он смел моим дружеским, совершенно братским отношениям к Елене дать такое пошлое толкование! Я не потерплю этого!

Алексей. А если я скажу: ты врешь!

Константин. Что такое? И ты... Не может быть, ты не Щеткин... Только он не может допустить между женщиной и мужчиной обыкновенной дружбы.

Алексей. А что значат ее слезы? Я каждую ночь слышу за стеной, как она плачет, придя от тебя наверх в три, четыре часа.

Ванюшин. Где Елена? Елену сюда...

Леночка робко входит.

Слышала? Что скажешь?

Леночка. Это, дядя, неправда. Я с Костенькой просто дружна... читаем, разговариваем...

Константин. Врут они оба! Они злятся на меня,- один за то, что я не одобряю его попрошайничества, а другой на каждого кинуться рад. Я не виноват, что тебя выгнали из гимназии!

Аня, до сих пор сдерживающая себя, выступает вперед. Дыхание ее учащенно, часто хватается за горло и с трудом может говорить: спазмы и слезы мешают ей говорить.

Аня. Не смеешь... не смеешь... Алешу обижать... тоже... папашу... в глаза...

Людмила. Полно, Аня... что с тобой?

Аня. Мы с Катей все знаем... мы дневник ее читали... письма... (Вскрикивает, обращаясь к Константину.) Нехорошо! Нехорошо... (С ней истерика, плачет и хохочет в одно и то же время.)

Щеткин и Людмила выводят ее из гостиной. Арина Ивановна, потрясенная всем слышанным, из доброй, кроткой старушки превращается в не похожую на себя женщину. С отчаянием, сжав кулаки, она подбегает к Леночке, кричит и топает ногами. Все удивленно смотрят на нее.

Арина Ивановна. Вон, греховодница, из дому! Вон! (За этой вспышкой следует мгновенный упадок сил. Она вся дрожит и с трудом стоит на ногах.)

Катя и Клавдия сажают ее на стул.

Константин. После таких сцен тебе нельзя здесь оставаться ни минуты. Чтоб прекратить этот скандал, я тебя отправлю домой. Едем на вокзал.

Леночка. Костенька!..

Константин. Едем. (Крепко сжимает ей локоть.) Только после твоего отъезда они все убедятся, что их догадки не имеют никакого основания. (Уводит Леночку.)

Клавдия. Мама, лягте. Катя, отведи ее.

Ванюшин. Отведите... да за доктором пошлите.

Клавдия и Катя уводят Арину Ивановну. Ванюшин опускается на стул, долго молчит и потом начинает рыдать как ребенок. Алексей подходит к нему.

Алексей. Не надо так огорчаться... вы ни в чем не виноваты.

Ванюшин. Как не виноват-то? Мои ведь вы!

Алексей. Вы делали все, что, по вашему убеждению, было нужно нам, трудились, работали для нас, кормили, одевали, учили...

Ванюшин. Так откуда же вы такие?

Алексей. Сверху. Вот в том-то и дело, папаша, что мы жили наверху, а вы внизу. Внизу вы работали, трудились, чтобы нам жилось спокойно наверху... и мы жили как кто хотел, как бог на душу положит.

Ванюшин перестает рыдать и внимательно слушает сына, покачивая головой.

Ванюшин. Так... так...

Алексей. Вы знали, что мы чему-то учимся, что-то читаем, где-то бываем, но как мы воспринимаем, где бываем - вы этого не знали. По крышам еще мальчишками мы убегали сверху и нередко взрослыми проделывали то же самое. Нас развращали няньки и горничные, мы сами себя развращали - старшие младших. Все это делалось наверху, и вы ничего не знали.

Ванюшин. Так... так...

Алексей. Вы рождали нас и отправляли наверх. Редко мы спускались к вам вниз, если не хотелось пить и есть, а вы поднимались к нам только тогда, когда находили необходимым ругать нас и бить. И вот мы выросли, мы сошли сверху уже взрослыми людьми со своими вкусами, желаниями и требованиями; и вы не узнаете нас; вы спрашиваете - откуда мы такие? Как, должно быть, тяжело вам! (Опирается руками на ручку кресла, на котором сидит Ванюшин, и плачет.)

Ванюшин целует его в голову.

Вы целуете? Ведь это первый поцелуй отца! Папаша!.. (Склоняется перед ним на колени и целует руку.)

Ванюшин. Поезжай... куда хочешь поезжай, помогать буду... (Крепко прижимает его к груди.) Родной мой!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Новая обстановка в той же гостиной. Арка задрапирована тяжелой материей под цвет мягкой мебели; цветы в кадках и этажерка унесены; рояль заменен изящным пианино; изысканная мебель в современном вкусе и разных фасонов с преднамеренной небрежностью разбросана по всей гостиной; посередине оттоманка, у которой стоит высокая лампа с кружевным абажуром; тяжелые занавеси на окнах и на двери; новый ковер; на стенах остались старые бра; художественные картины заменены посредственными олеографиями в богатых рамках и изящными полочками с разными безделушками - фарфоровыми куклами, коробочками и т. д.; на потолке бронзовая лампа со свечами. В зале новые, более изящные стулья и небольшая люстра посередине потолка. Электрические звонки. Семь часов вечера. Красный отблеск заката блестит на полу и освещает комнату красноватым светом. Ванюшин выходит из двери в халате и с компрессом на голове; идет он медленно, боязливо озираясь, как будто бы кого боится; садится у окна

и долго смотрит на закат; в руке у него пачка кредитных денег, которую он прячет под халат.

Ванюшин. Который час? А?.. Солнце заходит... (Сбрасывает с головы компресс.) Бумаги... мокрой бумаги лучше... пройдет. (Сжимает голову.)

По улице кто-то проезжает - слышен стук колес.

Едут... куда едут? Не скоро. Надо деньги отдать... Спрятать... (Прячет деньги под ковер; опять садится у окна и смотрит на закат.) Ты видишь... Весь я перед тобой! Ничего не надо... пусть как сами хотят... ничего... Скорее! (Подходит к двери и тихо зовет Арину Ивановну.) Аринушка... Аринушка! Где она? Все умерли... (Прислушивается.) Тихо.

Входит Арина Ивановна из залы. На ней шелковое платье; на плечах большой купеческий платок; на голове кружевная наколка.

Арина Ивановна. Вот ты где! А я тебя ищу... думала - ушел уж. Письмо от Алешеньки получили... Катя сейчас читала.

Ванюшин. Письмо... (Берет письмо и опускается на стул.)

Арина Ивановна. Пишет, что уж больно хорошо ему. Неправда, чай?

Ванюшин (посмотрев пристально на Арину Ивановну). Всем вам будет нехорошо. (Опускает голову.)

Арина Ивановна. Компресс-то зачем с головы снял? Лучше, что ли?

Ванюшин. Да, лучше... совсем прошло.

Арина Ивановна. Ну так иди надень сюртук. Ведь скоро приедут.

Ванюшин. Приедут...

С улицы доносится стук колес.

Едут?..

Арина Ивановна. Да это не они. Мало ли по улице ездит народу?

Ванюшин (испуганно). А если они?

Арина Ивановна. Костенька говорил, что раньше половины девятого не приедут.

Ванюшин. Девятого... девятого... А теперь сколько? Светает?

Арина Ивановна. Да что ты? Господь с тобою! Чай, вечер.

Ванюшин. Ты вот что возьми... (Подводит ее к тому месту, где положил деньги под ковер, и указывает пальцем.)

Арина Ивановна. Да никак ты рехнулся? Батюшки! Я огонь велю зажигать... пусти-ка!

Ванюшин (держит ее за руку). Не бойся, я так... расстроился... огня не надо... потом... деньги тут...

Арина Ивановна. Да где?

Ванюшин. Под ковром. Я положил.

Арина Ивановна достает деньги.

Ты их того... спрячь. Елене передай, скажи - от меня ребенку.

Арина Ивановна. А сам-то что?

Ванюшин. Константин узнает, отымет. Напиши ей: болен, писать не может, а деньги шлет.

Арина Ивановна. Обрадуется она, бедная...

Ванюшин. Обрадуется? И он обрадуется.

Арина Ивановна. Кто он?

Ванюшин. Высокий, ученый...

Арина Ивановна. Костенька-то? Она, чай, ему и не скажет.

Ванюшин. Я сяду.

Арина Ивановна. Шел бы лучше в спальню, полежал бы с часок, а потом оделся. Надо ведь выйти будет к невесте сегодня.

Ванюшин. Надо... скорее надо... Я только отдохну. (Садится.)

Арина Ивановна. Ну посиди-ка. Огонь велю зажигать. Где Акулина-то? (Выходит в залу и кричит.) Акулина!

Акулина появляется в зале. Арина Ивановна что-то ей говорит. Зал освещается.

Ванюшин. Слезы... много слез... (Видит в руке письмо.) От Алеши... (Подносит письмо близко к глазам.) Не видно... Он после всех узнает...

Арина Ивановна. Уж я и не знаю - в зале люстру зажигать или нет?

Ванюшин. А?

Арина Ивановна. Люстру, говорю, в зале зажигать или нет? Как посоветуешь?

Ванюшин. Люстру? Какую люстру?

Арина Ивановна. В зале. Сам, чай, вчера крючок ввертывал... что уж ты какой забывчивый стал?

Ванюшин. Надо зажигать, зажигать надо...

Арина Ивановна. Акулина, Александр Егорович говорит, надо зажигать.

Акулина. Мне все равно, только я слышала, Константин Александрович говорил Авдотье, что не надо...

Арина Ивановна. Нет, лучше зажечь... торжественнее... Зажги.

Акулина. Как прикажете. (Уходит в зал и зажигает люстру.)

Арина Ивановна. Уж больно у меня на сердце неспокойно, Александр Егорович. И чего затевает - сами не знаем! Худая, желтая она ведь, а понравилась... Просто, как это Алешенька говорил, белены парень обьелся.

Ванюшин. Пусть... все равно.

Арина Ивановна. А грех-то какой на душе у него остается. Подумать страшно! Вот говорят, можно было бы выхлопотать в Петербурге, чтоб ему жениться на Леночке... уж лучше на ней, - денег-то все равно не берет.

Ванюшин. Не надо... ничего теперь не надо... Все кончено... Полны ведра слез... Унеси-ка! Пусть несут... Тяжелы эти ведра.

Арина Ивановна. Какие еще там ведра? Поди ляг лучше... И не выйдешь к ним - ничего, скажем - болен.

Ванюшин. Нельзя этого.

Входит Аня с распущенными волосами, в голубом платье, на шее голубая ленточка.

Аня. Мы с Катей уже оделись. Катя хотела надеть серое платье, а я настояла, чтобы голубое. Ведь это лучше, мамаша?

Арина Ивановна. Лучше. Покажись-ка отцу.

Аня подходит.

Ванюшин. Нарядилась? (Ласково и любовно гладит Аню по голове.)

Аня. Что это у вас в руке? Письмо Алеши?

Ванюшин. Да, его.

Аня. Читали?

Ванюшин. Нет еще.

Аня. Хотите, я вам прочту?

Ванюшин. Читай,

Аня (читает). "Дорогой папаша и милая мамаша! Деньги от вас я получил и бесконечно благодарен вам за них. Я ждал меньше... высылайте не так много, с меня достаточно и сорока рублей в месяц. О

своей жизни ничего не могу сказать вам нового - все то же, что писал вам в предыдущем письме. Доволен и счастлив, как только может быть счастлив человек. Мои сожители по квартире оказались превосходными людьми: студент бесплатно помогает мне заниматься, а с академиком мы в неделю стали самыми близкими друзьями. Каждый день бегаем в Эрмитаж - так здесь называется картинная галерея - и целые часы проводим у любимых картин. Я кое-что начинаю понимать в живописи, в которой раньше ничего не смыслил. Летом мы все трое думаем жить в деревне под Петербургом и заниматься, заниматься с утра до вечера. Свобода - это первое необходимое условие..."

Ванюшин, рассеянно слушавший до сих пор письмо и погруженный в какие-то свои соображения, как будто бы вдруг пробуждается и встает.

Ванюшин. Пальто мне... шапку!

Аня. Куда вы? В халате?..

Ванюшин (овладев собой и мгновенно сообразив, как ему нужно поступить дальше, чтобы привести в исполнение задуманное). В халате нельзя... надену сюртук.

Аня. Ведь скоро невеста приедет... Куда вы?

Ванюшин. Купить ей - никому не говори - купить ей подарок... медальончик на шею, медальончик. (Уходит в дверь.)

Аня смотрит ему вслед, инстинкт подсказывает ей настроение отца. С этого момента она становится беспокойнее и тревожнее. Идет в зал, возвращается, подходит к двери, в которую вышел отец, и задумывается, взявшись за ручку двери. Арина Ивановна и Клавдия появляются в зале и, разговаривая, входят в гостиную.

Арина Ивановна. Все у нас по-новому. Смотри, как в клубе, в благородном собрании.

Клавдия. Он на себя денег не жалеет.

Арина Ивановна. Говорит, что сама Кукарникова обещалась на свой счет принять обстановку. (Обращаясь к Ане.) Аня, где папаша?

Аня. Одеваться пошел.

Клавдия. И старой рояли нет?

Арина Ивановна. Маленькую купил. Маленькая, а дороже большой стоит: пятьста заплатил. Уж и не знаю, что, Клавденька, будет?

Аня уходит.

Сам-то на все рукой махнул - пусть, говорит, живет своим умом.

Клавдия рассматривает вещи и до всего дотрагивается руками.

Клавдия (щупая обивку стульев). Шелк или штоф. Шелк, должно быть.

Арина Ивановна. Меня с отцом из спальни гонит - наверху поместить хочет, а в спальне своей кабинет сделать. Подумай-ка!

Клавдия. А вы не переходите. Сорок лет жили, всех там родили, да наверх...

Арина Ивановна. Да как не перейдешь? Ходит, дуется, не говорит ни с кем...

Клавдия. Да правда ли, что он велел мне приходить?

Арина Ивановна. Не буду я обманывать. Спрашивала, сказал: пусть приходит, только без своего сахара-лимоновича,- это он мужа твоего так называет.

Клавдия. Пора уж ему все забыть. Из-за чего теперь ссориться? С квартиры мы переехали. (Берет с полочки фарфоровую статуэтку - полунагую женщину.) Безобразия какое!

Арина Ивановна. Это что! У себя в спальне совсем нагую повесил. Подумай-ка!

Клавдия. Павлику очень хочется опять бывать здесь. Он с Кукарниковыми давно знаком, гимназистом еще бывал у них.

Арина Ивановна. А ты скажи - может быть, и позволит.

Клавдия. Посмотрю, какой буфет. Вон Леночка сюда приехала бы! Порадовалась бы она!

Арина Ивановна осматривается, берет Клавдию за руку, ведет в угол, сажает и тихо говорит.

Арина Ивановна. Самому писала... о ребенке призналась.

Клавдия. Ну?

Арина Ивановна. Как бог свят, писала.

Клавдия. Что же папаша?

Арина Ивановна. Не велел он сказывать, да уж я тебе скажу. Ты только никому не говори. Не скажешь?

Клавдия. Говорите.

Арина Ивановна. Мужу не говори. Денег дал, велел послать.

Клавдия. Сколько?

Арина Ивановна. Не считала. (Вынимает из кармана деньги.)

Клавдия. Да тут много? Три пачки, должно быть, по тысяче рублей. (Перелистывает одну пачку.) Три тысячи, мамаша! Ей много... будет и двух.

Арина Ивановна. Все надо послать. Спрячь пока ты их у себя: наверх будем перетаскиваться, как бы Костенька не увидел... или нет, дай лучше мне, я в подушку зашью.

Клавдия. Акулина ощупает... смотрите...

Арина Ивановна. Ну возьми. Помни: все послать надо.

Вбегает Катя с букетом живых цветов. Она так же одета, как Аня.

Катя. Какой букет! Как пахнет! Костя велел в вазу поставить. (Ставит букет в воду.)

Клавдия. Пришел?

Катя. Переодевается в своей комнате.

Арина Ивановна. Это он, должно быть, ей.

Катя. Понятно... невеста. Так все делают.

Входит Ванюшин, идет в зал. Он старается владеть собой и гораздо спокойнее, чем в первой сцене.

Арина Ивановна. Куда ты, Александр Егорыч?

Клавдия (целуя руку отца). Здравствуйте, папаша.

Ванюшин. Нужно. Надумал невесте подарок купить; это ей понравится.

Арина Ивановна. Да уж поздно, магазины, чай, заперли.

Ванюшин. Успею. Я... успею.

Катя (вынимает из вазы букет и подбегает к отцу). Посмотрите, папаша: какой букет!

Ванюшин. Букет... (Пристально смотрит на Катю, гладит рукой по голове, хочет поцеловать... и вдруг быстро отвертывается и уходит.) Так я скоро вернусь.

Катя. Вот какая счастливая! И букет и подарки.

Арина Ивановна. А тебе жених веник подарит.

Катя. Я его этим веником так!.. (Обращается к Клавдии.) А вы зачем пришли? Костя узнает, что вы здесь...

Клавдия. Мамаша, да вы говорили ли ему? Выгонит он, пожалуй, меня.

Арина Ивановна. Сказала, что позволил. А ты-то что, трещотка? Твое ли дело спрашивать? Шла бы наверх.

Катя. Очень интересно сидеть наверху.

Константин входит в зал. Он в черной паре, в петлице цветов.

Константин. К чему это зажгли люстру? Я сказал, чтобы не зажигать! (Входит в гостиную.) Зачем зажгли?

Клавдия (подавая руку). Здравствуй, Костенька.

Константин (не замечая протянутой руки). А, это ты! Здравствуй! (Обращается к Арине Ивановне.) Потушить надо. Ведь я говорил, чтобы все было просто, обыкновенно. Они приедут к нам запросто, а не на вечер, не на бал. Неужели вы этого не понимаете?

Арина Ивановна. Беда не велика, и потушить можно. (Выходит в зал и кричит.) Акулина!

Константин. Зачем кричать, когда есть звонки? До сих пор привыкнуть не можете! (Нажимает электрический звонок.)

Арина Ивановна (выходит из зала). Забываю все про звонки-то.

Константин. Пожалуйста, при них не вздумайте кричать.

Входит Акулина.

Потушите люстру! Достаточно одной лампы на стол.

Акулина тушит люстру.

(Обратив внимание на костюм Кати.) Ты это куда вырядилась? На свадьбу, что ли, собралась?

Катя. Мамаша велела.

Константин. Мамаша! Могла сама догадаться - не маленькая, что это ни к чему. Раз люди приезжают к нам запросто, то они должны нас встретить такими, какими мы бываем обыкновенно. А это сейчас видно, что ты нарядилась для них.

Катя. Неужели же переодеваться надо?

Константин. Как хочешь. Я только говорю, что все у нас делается глупо и нелепо. (Заметив шаль на Арине Ивановне.) Зачем вы надели эту дурацкую шаль?

Арина Ивановна. Разве не нужно?

Константин. При царе Горохе нужно было. Снимите!

Арина Ивановна. Сейчас. А Кате с Анечкой тоже снять?

Константин. Как хотят.

Арина Ивановна и Катя уходят.

(Разваливается на оттоманке.) Устал. Целый день сегодня по магазинам, из одного в другой, из другого в третий. У нас ведь ничего не умеют делать - приходится все самому, даже закуски сам покупал. Как находишь обстановку?

Клавдия. Прекрасно, со вкусом, очень хорошо. Неужели ты это один покупал?

Константин. Нет, брал с собой покупать кучера Ивановича и кухарку Сергеевну! Ты до сих пор не поумнела!

Клавдия (принужденно смеясь). Какой ты забавник стал... Должно быть, очень счастлив?

Константин. Это мое дело. Пора тебе с мужем отстать от привычки совать нос, где вас не спрашивают.

Клавдия. Да уж мы не суем. С квартиры переехали... все недоволен...

Константин. Пятнадцать лет жили.

Пауза. Клавдия ищет темы для разговора и подходит к букету.

Клавдия (щупая букет). Это, Костенька, из живых цветов или из искусственных?

Константин. Не трогай руками!

Клавдия. Не буду. Я думала...

Константин (увидев на стенах бра). Кто это опять повесил эти рогули? Вчера я снял...

Клавдия. Я не знаю.

Константин (снимая бра). Чешутся руки, черт их дери! Ни в одном порядочном доме не найдешь теперь этих треножников.

Входит Арина Ивановна.

Арина Ивановна. Костенька, где на стол накрывать, в зале?

Константин. Что?

Арина Ивановна. Стол-то где накрывать?

Константин. В столовой.

Арина Ивановна. Там ведь Авдотья спит.

Константин. Фу ты! Столовая теперь у нас в моей комнате.

Арина Ивановна. А я думала, в зале лучше.

Константин. Я знаю, что лучше. Кто это бра повесил?

Арина Ивановна. Я велела. Что им в кладовой-то лежать...

Константин. Их надо выбросить в помойную яму. (Отворяет дверь и бросает бра.) Пожалуйста, последите, чтобы было на столе все прилично, как я говорил. К чайному столу рыбной закуски не подавать; ростбиф подать целым куском и нарезать как можно тоньше только несколько кусочков - понимаете, как можно тоньше. К зеленому сыру не забудьте терочку. Да нет, вы все забудете! Я лучше сам

займусь. (Идет и останавливается у арки.) Да, что это папаши не видать?

Арина Ивановна. Ушел он.

Константин. Куда?

Арина Ивановна. Подарок надумал купить невесте.

Константин. Это очень мило. Только не купит он ничего порядочного... жаль, что не поручил мне. (Уходит.)

Клавдия. Все сердится, а на что, и сам не знает.

Арина Ивановна. Такой уж у него характер. Говорила, что ли, ему про мужа?

Клавдия. Ну вот еще! Я как на углях с ним сидела, говорить-то не знала что; с чего ни начну, все оборвет.

Входит Аня.

Аня. Папаша не приходил?

Арина Ивановна. Нет еще.

Аня подходит к окну и смотрит в него.

Костенька говорил, чтоб снять вам голубые платья. Ступайними.

Аня. Все равно.

Клавдия. Не пойди ли мне помочь чего-нибудь?

Арина Ивановна. Ступай.

Клавдия. Как бы не прогнал... Опять скажет: зачем нос суешь! Лучше уж не пойду.

Арина Ивановна. Ты вот что мне скажи: что мне с ней-то разговаривать?

Клавдия. С кем?

Арина Ивановна. С самой-то, с Кукарниковой. Больно уж она важная: говорит, так не дождешься, когда скажет.

Клавдия. Молчите сидите да слушайте.

Аня. Кажется, дождь идет... первый дождь...

Клавдия. Унижать себя пред ней тоже не надо. Она гордится тем, что генеральша, а вы дайте ей почувствовать, что дочь-то ее берете без денег. Скажите: у Кости такие-то, такие-то невесты богатые были.

Арина Ивановна. Как бы не обиделась.

Клавдия. Ничего, она обидится, так не покажет виду, что обиделась, - не узнаете.

Аня. Дождь идет, мамаша.

Арина Ивановна. Ну что ты с пустяками пристаешь? Пусть идет.

Вбегает Авдотья; она тоже одета по-праздничному.

Авдотья. Арина Ивановна, фруктовых ножей не найдем...
Костенька сердится.

Арина Ивановна. Где же они? Там ведь были, в буфете.

Авдотья. Нет там ни старых, ни новых. (Увидав Клавдию.)
Здравствуйте. Просто ног под собой не слышу, забегалась.

Арина Ивановна. Пойду посмотрю.

Авдотья. Идемте.

Уходят.

Клавдия. Что ты такая скучная?

Аня. Я не скучная.

Клавдия. Скажи мне, на какие это деньги все куплено?

Аня. Не знаю.

Клавдия. Я думала - слышала разговор?..

Аня. Папаша не говорит ничего.

Пауза. Клавдия рассматривает вещи.

Он не пошел покупать... Какой подарок? Зачем? Ему смотреть на них не хочется, вот он и ушел. Не придет он.

Клавдия. Что ты! Разве это можно? Неделикатно, да и Костя обидится.

Вбегает Катя.

Катя. Приехали! Приехали! Она вся в черном, в волосах брильянтовые звезды.

Клавдия. Как же нам? Идти туда, что ли?

Аня. Я не знаю. Все равно.

Клавдия. Пойдемте... Нет, лучше здесь подождем. Катя, посмотри, все ли у меня в порядке?

Катя (осматривает Клавдию). Ничего, все хорошо. Платье старое.

Клавдия. Братец на новое еще денег не дал.

Входят Кукарникова, Инна, Константин и Арина Ивановна. Кукарникова - пожилая седая дама; белится и подводит брови; одета со вкусом, говорит сквозь зубы, растягивая слова; близорука - смотрит в лорнет. Инна - двадцатисемилетняя маленькая, худенькая брюнетка с желтым цветом лица. Симпатична, держится просто и непринужденно.

Константин (рекомендуя Аню). Вот Аня... Инна (целуя Аню). Я такой вас и воображала. Мы будем друзьями? Я хочу, чтоб мы были друзьями.

Кукарникова (поцеловав Аню). Прелесть... Как к лицу вам голубое.

Константин (взяв из воды букет). Позвольте, Инна... (Вспомнив о Клавдии.) Ах да! Вот еще сестра Клавдия.

Инна. Какой ты рассеянный. Очень приятно.

Клавдия. И мне тоже. (Подходит к Кукарниковой.) А вас я давно знаю; мой муж о вас так много говорил, восхищался вами... Он у вас бывал в доме еще гимназистом.

Кукарникова. Да? Я, вероятно, вспомню.

Отходят в сторону и продолжают разговор.

Инна (рассматривая букет). Хорош... Только слишком много пунцовых роз.

Константин. Я хотел из одних пунцовых, но их не могли набрать.

Инна. Слишком много яркого. Бледнее проще, а чем проще, тем прочнее. *Comprenez vous, monsieur?* {Вы понимаете? (франц.)}

Константин. *Chacun a sa fantaisie...* {У каждого свой вкус... (франц.)}.

Инна. Ах, только, пожалуйста, не по-французски! Не забывайте сл_о_ва... (Обращается к Ане и Кате.) Можно брата за уши оттащить, чтобы он не говорил по-французски? (Треплет за ухо Константина.) Никогда не нужно делать того, что мы не умеем.

Катя и Аня смеются.

Кукарникова. Смотрите, смотрите, как мило! Инночка уже вступила в свои права жены: таскает мужа за уши.

Константин. Я хотел бы, мама, чтоб она их совсем выдернула.

Кукарникова. Это восхитительно! (Обращается к Арине Ивановне.) Какой он у вас милый мальчик. Надеюсь, вы не в претензии, что он меня уже называет мамой?

Арина Ивановна. Меня мамашей зовет.

Кукарникова. А меня мамой... Ах, как это мило! Подойди, я тебя поцелую. (Целует Константина в голову.) У тебя - говорю не комплимент - масса вкуса... Мебель изящна, цвета подобраны прекрасно... Все мило и просто. Но мне кажется, что эта комната не носит определенного, так сказать, характера: не то гостиная, не то будуар...

Константин. Я еще не успел хорошо обдумать, куда и что поставить... Это только набросок. Вот уж с Инной мы распланируем

все иначе.

Кукарникова (подумав). По-моему, рояль лучше поставить в зал. Этот прибор (указывает на маленький диванчик, кресла и стол) посередине... (Обращается к Арине Ивановне.) Впрочем, простите... я как будто Начинаю распоряжаться.

Константин. Пожалуйста, мама.

Кукарникова. Нет-нет, предоставляю все тебе и милейшей Арине Ивановне.

Арина Ивановна. Пожалуйста чай кушать в Костенькину комнату... то бишь в столовую.

Кукарникова. Чай? Прекрасно. Идемте,

Арина Ивановна. Я всегда пью в девять часов.

Арина Ивановна. Клавденька, пойдем. (Подходит к Инне и, улыбаясь, очень учтиво спрашивает.) А вы-с?

Константин. Мы здесь будем. Хорошо, Инна?

Инна. Все равно.

Константин. Вы нам пришлите сюда.

Арина Ивановна (обращаясь к Кукарниковой). Пожалуйста!

Кукарникова (берет за руку Арину Ивановну). Нам нужно с вами о многом поговорить. Мы матери и пойдем друг друга.

Уходят. Клавдия - за ними.

Катя. А нам, Костя, можно идти?

Инна. Вы не хотите остаться с нами?

Катя. Отчего... нет...

Константин. Мне хотелось бы поговорить с тобой об одном предмете. Они могут потом прийти.

Аня. Мы уйдем.

Обе уходят.

Инна. Это грубо. Сам же говоришь, что они мало воспитаны, и так обращаешься с ними... Нехорошо.

Константин. Ничего. Я тебе буду очень благодарен, если ты ими займешься; они не глупенькие, но положительно невоспитанны. Мамаша разве может понимать что-нибудь в воспитании?

Инна (разваливается на оттоманке). Ну-с, давай секретничать.

Константин. Смотрю я на тебя и не верю глазам: неужели ты у меня в доме?

Инна. Не веришь глазам - можешь осязать. (Показывает на щеку.)
Целуй.

Константин (целует). Ты обворожительна сегодня!

Инна. Как всегда.

Константин продолжает целовать.

(Отстраняя Константина.) Довольно. Сейчас чай подадут...

Говори, что хотел.

Константин. Вот видишь ли... (Проходит по комнате и садится на оттоманку к ногам Инны.)

Инна. Я жду.

Константин. Когда чай принесут. (Опять встает.)

Инна. Я не люблю, когда мямлют. Говори.

Константин. Скажи мне: ты любишь меня?

Инна. Люблю.

Константин. Я верю и потому только решаюсь сегодня рассказать тебе... я мог бы совсем не рассказывать, если бы не был уверен в тебе.

Инна. Ты меня пугаешь.

Константин. Повторяю, я мог бы не рассказывать, если бы не был уверен в тебе, но я счел своим долгом рассказать... да притом... я боюсь... слухи и сплетни постоянно искажают факты...

Инна. Я не люблю, кто мямлит. Говори.

Акулина подает чай и уходит.

Константин. Вот видишь ли...

Инна. Это скучно.

Константин. Я скажу прямо. Ты, понятно, настолько умна и настолько знаешь жизнь, что не представляешь себе мужчин какими-то безупречными ангелами...

Инна. Дальше. Вы хотите говорить о вашем бывшем романе? Начинайте прямо с нее... Кто она?

Константин. Вот видишь ли...

Инна. Ничего я не вижу. Кто она?

Константин. У нас здесь жила... моя родственница. Я был моложе, увлекся... думал сделать из нее человека...

Инна. И сделали из нее любовницу?

Константин. Я искренне увлекся, Инна, и, может быть, это увлечение не прошло бы до сих пор, если бы она была другой... Но она оказалась такой мелкой, мещанской натурой, узкой и эгоистичной,

что я не нашел с ней ничего общего. Когда же я сходил, у меня были честные намерения: я мечтал образовать ее - она почти ничего не знала, - воспитать в ней себе жену по своему идеалу, но из этого ровно ничего не выходило. Каждый день я убеждался в ее природной тупости, в неспособности... ее буржуазные вкусы, склонности возмущали меня, и я... Мы расстались. Ты, вероятно, услышала бы здесь эту историю в искаженной редакции, и я считал необходимым рассказать тебе.

Инна. Где она теперь?

Константин. Она уехала к матери в Самару. У нее три сестры; имеют мастерскую, сами шьют... Я помогаю. (Берет Инну за руку.) Прости меня. Чего я искал в ней, я нашел в тебе... Не разбивай моего счастья.

Молчание.

Не молчи, говори скорее мой приговор.

Инна. Благодарю вас.

Константин. Оставьте шутки.

Инна. Я серьезно благодарю вас.

Константин. За что?

Инна. Вы облегчили меня: я должна была вам тоже сказать... На все, что вы мне сказали, я отвечу русской пословицей: "долг платежом красен". Вы тоже у меня будете не первым...

Константин. Ты шутишь?

Инна. Нисколько.

Константин ошеломлен.

Константин. Но... я не верю.

Инна. Поверьте. Нам лучше теперь прекратить наш разговор. Я знаю про вас, вы про меня,- подумаем наедине, и если простим друг другу, то встретимся вновь друзьями. Приезжайте к нам в среду, а теперь довольно.

Константин. Но как же, Инна...

Инна. Дальнейший разговор на эту тему я считаю преждевременным. Советую, когда вы будете думать наедине, не забывать одного французского афоризма: *tout comprendre c'est tout pardonner* {- понять, значит, - простить (франц.).}. Займемся чем-нибудь. Ты говоришь, что у тебя много новых нот? (Подходит к пианино, выбирает ноты и играет.)

Константин остается на том же месте, где сидел.

(Взглянув на Константина.) Мы будем думать наедине, не теперь... Идите сюда!

Пауза. Константин не подходит к ней.

Нравится вам?

Константин. Я никак не могу представить...

Инна. Мы будем говорить об этом после. (Продолжает играть.)

Пауза. Из зала выходят Кукарникова, Арина Ивановна, Клавдия, Аня и Катя.

Кукарникова. Мы услышали музыку и пришли вас слушать.

Садятся. Аня подходит к окну.

Это любимая вещь Инночки. (Обращается к Клавдии.) Вам нравится?

Клавдия. Да.

Все слушают. Через некоторое время Инна перестает играть и украдкой смотрит на Константина, который все еще сидит в одной и той же позе.

Арина Ивановна. Костенька, что это папаши-то нет?

Константин (смотрит на часы). Половина десятого. Кто-нибудь задержал.

Кукарникова. Человек деловой, общественный деятель.

Аня. Вот, кажется, калитка хлопнула. Это он.

Константин. Да, вероятно, он. (Уходит.)

Пауза. Инна перебирает клавиши.

Константин входит.

Нет, это не он.

Все становятся тревожнее.

Арина Ивановна. Не послать ли к Павлу Сергеевичу? Может быть, он у него?

Клавдия. Павлика дома нет, мамаша.

Арина Ивановна. Так где же Александр Егорович? Уж я не знаю.

Пауза.

Константин. Вы простите, мама. Вероятно, что-нибудь папашу задержало.

Кукарникова. Мы, кажется, не собираемся домой. Нас скоро не спровадишь. Вот Инна нам споет что-нибудь. Инночка, спой.

Инна. Дуэт с Костей.

Кукарникова. Да-да, Костя, покажите-ка свои таланты.

Константин. Я не могу, мама: всего взял только десять уроков, пою упражнения.

Инна (обращаясь к Косте). Что хотите, чтоб я спела?

Константин (выбирает романс). Спойте вот это. Я слышал в Москве, как пела Фострём*. Чудно!

Инна. Хорошо. (Поет.)

Аня. Его голос!.. Пришел.

Инна перестает петь. Все смотрят в зал и ждут. Пауза.

Константин. Должно быть, тебе послышалось.

Арина Ивановна выходит и скоро возвращается.

Арина Ивановна. Нет, не он...

Константин. Продолжайте, Инна.

Аня. Простите, я вам помешала петь.

Инна. Ничего. (Продолжает петь.)

Через некоторое время доносится какой-то неопределенный шум. По залу пробегает Акулина. Аня, Арина Ивановна и Константин прислушиваются к шуму. Инна продолжает петь. Шум ближе - ясно слышно топанье ног. Скоро в зале появляются незнакомые люди, кто-то из них говорит: "Сюда". Инна смолкает. В гостиной тишина. Вносят труп Ванюшина. Несут старик в лохмотьях, татарин и еще несколько человек из простонародья. В толпе замечен один только интеллигентный человек в цилиндре. Люди с трупом входят в гостиную.

Константин (не уясняя происшедшего, робко и тихо спрашивает старика). Что с ним?

Старик в лохмотьях (глухим голосом). Застрелился... в саду.

Константин делает шаг вперед и с искаженным от ужаса лицом смотрит на труп; Арина Ивановна остолбенела на месте; лицо Клавдии подергивают судороги; Аня сейчас вскрикнет и упадет в обморок. Кукарникова и Инна, недоумевая, глядят друг на друга. Страшная пауза. Еще момент - и трагедия их душ воплями и стонами вырвется наружу.

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

Историко-литературному комментарию к публикуемым пьесам предпосланы краткие биографические справки об авторах. Все

упоминаемые произведения датируются по времени их первого издания. В том случае, если между написанием и опубликованием пьесы прошло более года, сообщаются обе даты. В скобках указываются варианты заглавий.

При ссылках на цитируемые источники в комментариях приняты следующие сокращения: ЦГАЛИ - Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва); ЦГИАЛ - Центральный государственный исторический архив в Ленинграде; ИМЛИ - Институт мировой литературы имени А. М. Горького при Академии наук СССР, Архив А. М. Горького (Москва); ИРЛИ - Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, Отдел рукописей (Ленинград); ОРБЛ - Всесоюзная государственная библиотека имени В. И. Ленина, Отдел рукописей (Москва); ЦТБ - Центральная государственная театральная библиотека имени А. В. Луначарского, Отдел рукописей (Ленинград).

С. НАЙДЕНОВ

С. Найденов (псевдоним Сергея Александровича Алексеева) родился 14 сентября 1868 г. в Казани в состоятельной купеческой семье. Будущий писатель с детских лет увлекался театром. В 1883 г. за посещение городского театра и “Дерзкие” объяснения с задержавшим его там инспектором Найденова исключили из казанского реального училища. В 1886 г. он уехал в Москву, поступил на драматическое отделение филармонического училища и окончил его в 1889 г. по классу А. И. Сумбатова-Южина и О. А. Правдина. В 1891-1895 гг. Найденов под псевдонимом Рогожин выступал на вторых ролях в провинции (Вологда, Воронеж, Тверь, Саратов).

В 1893 г., пережив недолгое увлечение религиозно-этическим учением Льва Толстого, Найденов покинул сцену и поселился в земледельческой трудовой колонии в Уфимской губернии. В 1897-1898 гг. был пайщиком артели торговых и страховых агентов. Впоследствии это время Найденов называл годами своей “бессознательной жизни”. Наблюдения Найденова-толстовца, а позже страхового агента подсказали ему темы для первых пьес “Культурный скит” и “Дыхание весны”.

С осени 1900 г. С. Найденов обосновался в Москве; поместил в журналах несколько стихотворений, роман в одной из петербургских газет и, по просьбе П. Орленева, занимался инсценированием “Братьев

Карамазовых” Достоевского (см. “Новости дня”, 1901, 20 декабря, No 6654). Первые литературные опыты Найденова прошли совершенно незамеченными. Широкую известность принесла ему пьеса “Дети Ванюшина”. Найденовым заинтересовались А. П. Чехов и М. Горький. Он близко сошелся с И. А. Буниным и другими участниками литературного кружка “Среда”, а затем издательства “Знание”. С 1909 г. в связи с обострившимся туберкулезным процессом писатель почти безвыездно жил в Крыму.

Из четырнадцати написанных С. Найденовым после “Детей Ванюшина” пьес опубликовано девять: “Номер тринадцатый” (“Жильцы”, 1903), “Богатый человек” (“Деньги”, “Особняк”, 1903), “Блудный сын” (“Кто он?”, 1903), “Авдотьяина жизнь” (1905), “Стены” (1907), “Хорошенькая” (1908), “Роман тети Ани” (“В гостях у Хмуровых”, “Мечты о счастье”, “О любви”, 1912), “Работница” (1915) и “Скуки ради” (инсценировка одноименного рассказа М. Горького, 1929); в рукописях и машинописных копиях остались пьесы: “Культурный скит” (1901), “Дыхание весны” (1901), “Полотняное небо” (“Жертвы нашего времени”, “Безбытники”, 1917-1922), “Москва” (1921) {Первая картина напечатана в журнале “Красная нива”, 1923, No 49. См. А. Чернышев, Малоизвестные пьесы С. Найденова, “Вопросы литературы”, No 12, 1963.} и “Неугасимый свет” (1922).

Последующие его драмы и комедии уже не встретили такого единодушного признания, какое выпало на долю “Детей Ванюшина”.

“Я так или иначе, - говорил о себе С. Найденов, - я долго служил делу разрушения, если не социального строя, то разрушению мещанского идеала [...] Жизнь русского обывателя, его семья, дела, жизнь исключительно плотская, ради своего тела, претила мне. Я протестовал, я писал против этой жизни”.

С. Найденов умер в Ялте 5 декабря 1922 года.

Драма “Дети Ванюшина” впервые опубликована в конце 1901 г. петербургским журналом “Театр и искусство” и разослана подписчикам в виде приложения к январскому номеру за 1902 г. В том же 1902 г. выпущена в Москве С. А. Скимунтом. Ею открывался первый том “Пьес” С. Найденова (Спб., изд. т-ва “Знание”, 1904).

“Детей Ванюшина” Найденов писал в Москве, в меблированных комнатах “Европа” на Сретенке. “Это было время,- вспоминал он,-

когда я сам мечтал, нет, не мечтал, а решил твердо сделаться драматургом. Я купил себе письменный стол, кресло, лампу и дорожную чернильницу сундучком. Я разделил оставшиеся у меня наследственные деньги 900 рублей на год по 75 рублей на месяц и приводил в исполнение свой роковой план. Год работать, а там, если ничего не выйдет - уйти... Это была последняя ставка” (С. Найденов, Чехов в моих воспоминаниях.- “Театральная жизнь”, 1959, No 19, октябрь, стр. 25); см. также Вл. Ладыженский, Памяти С. А. Найденова.- “Последние новости” (Париж), 1922, 30 декабря, No 827). На двенадцатый день - 5 марта 1901 г.- работа над “Детьми Ванюшина” была завершена (см. “Русское слово”, 1902, 17 февраля, No 47). 10 марта 1902 г. С. Найденов записал в дневник: “Сцены без всякого плана вытекали одна за другой, волновали, давали забвение, заставляли меня плакать и испытывать то, что испытывает хороши́й актер, играя на сцене” (Ю. Соболев, С. А. Найденов. Критико-библиографический очерк (1924). Машинопись.- ЦГАЛИ, ф. 860, оп. 1, ед. хр. 309, л. 10).

“Дети Ванюшина” созданы на автобиографическом материале. Земляк С. Найденова журналист Н. Шебуев утверждал: “Я знаю все до мельчайших подробностей о семье Ванюшиных. Ведь ни для кого не тайна, что автор списал с натуры - точнее, со своей семьи” (“Обозрение театров”, 1910, 17 декабря, No 1264, стр. 19). В. А. Клементовский отмечает, что обстановка в доме купца Ванюшина “почти не отличается от подлинной обстановки в семье Алексеевых” (В. А. Клементовский, Русские писатели в Татарской АССР, изд. второе, дополн., Казань, 1960, стр. 186). Прототипы назывались не только для главных, но и для второстепенных действующих лиц в пьесе (см.: Л. В. Пожилова, Казанские материалы в пьесе С. А. Найденова “Дети Ванюшина”, Казань, 1957, стр. 12). Все это, разумеется, не означает, что персонажи драмы полностью совпадают с их прототипами.

Рукопись “Детей Ванюшина” С. Найденов отослал в Петербург на конкурс возглавлявшегося А. С. Сувориным театра Литературно-художественного общества. В октябре 1901 г. обрадованный автор узнал, что его драма объявлена в числе премированных пьес и, согласно условиям конкурса, считается принятой к постановке в театре общества. В ЦТБ хранится машинописный экземпляр “Детей

Ванюшина” с пометкой цензора: “К представлению дозволено. 5 октября 1901 г.” Из реплики Константина во втором действии после слова “Безобразие!” цензором вычеркнуты и не восстановлены во всех публикациях слова: “Стол для юнкеров в юнкерском училище”. Более значительные изъятия и поправки в тексте были сделаны позже, когда автор вторично представил “Детей Ванюшина” цензору. На титульном листе появилась надпись: “К представлению на сцене народных театров признано неудобным. 15 марта 1902 г.”

Премьера пьесы в театре Литературно-художественного общества состоялась 10 декабря 1901 г. Роли исполняли: старика Ванюшина - М. Михайлов, Алексея - Б. Глаголин, Константина - И. Хворостов, Красавина - К. Яковлев, Щеткина - К. Бравич, Людмилы - З. Холмская, Кати - М. Лилина, Ани - Н. Музиль-Бороздина. Постановка Е. Карпова. Пьеса никому не известного драматурга едва собрала половину зрительного зала. Одобрительные хлопки после первого действия сменились после второго бурными аплодисментами и дружными вызовами автора. На следующий день петербургские газеты дали лестную оценку драмы С. Найденова. “Это удивительно жизненная пьеса. <...> Кажется, что перед нами приподняли завесу настоящего человеческого горя, непонятных надежд, разбитых мечтаний”, - восхищались “Новости и Биржевая газета” (1901, 11 декабря, No 341). “Очень хорошая эта пьеса. В ней так много правды, настоящей жизни; ничего нет деланного, придуманного”, - вторила “Петербургская газета” (1901, 11 декабря, No 340). “Драма подкупает реализмом изображения будничной жизни средней семьи”... - соглашались “Биржевые ведомости” (1901, 11 декабря, No 338).

С. Найденов мечтал увидеть свою пьесу на сцене Московского Художественного театра, но с К. С. Станиславским встретиться ему не удалось, и он отнес “Детей Ванюшина” в театр Ф. А. Корша. Актер Н. В. Светлов выбрал драму для своего бенефиса. Первый же спектакль 14 декабря 1901 г., по словам критиков, открыл новую главу в истории театра. До конца сезона “Дети Ванюшина” выдержали 37 постановок, в сезон 1902/03 года - 41, а всего до 30 августа 1907 г. ставились 150 раз (см. сб. “Дети Ванюшина” на сцене”, М., изд. Центральной театральной кассы, 1940). В основных ролях были заняты: Ванюшин - Н. Светлов, Арина Ивановна - М. Блюменталь-Тамарина, Алексей - А. Остужев, Константин - Л. Леонидов, Красавин - А. Яковлев, Клавдия -

Ю. Васильева, Людмила - О. Голубева, Аня - А. Мальская, Щеткин - А. Петровский; режиссер - Н. Синельников.

Е. Карпов и Н. Синельников - оба подходили к пьесе как к психологической драме, добивались простоты и естественности мизансцен, стремились воспроизвести на театральных подмостках кусочек подлинной жизни. Этим сходство созданных спектаклей, пожалуй, и ограничивалось. В соответствии с замечанием идейного куратора театра Литературно-художественного общества А. С. Суворина, что “все это, в других только рамках, с несколько другими подробностями, может произойти решительно во всякой среде, богатой, средней и бедной” (“Новое время”, 1901, 12 декабря, No 9259), Е. Карпов решал проблему “отцов и детей” не столько в социальном, сколько в семейно-бытовом и морально-психологическом аспектах”. Разлад в доме Ванюшина превращался у него в назидательную иллюстрацию якобы извечной розни молодого и старого поколений, что не могло не приглушить содержащуюся в пьесе С. Найденова критику купеческого уклада. Старик Ванюшин в исполнении М. Михайлова даже внешним обликом мало напоминал купца. Зрителям на протяжении четырех действий предлагалось переживать драму отца, не понятого детьми и страдающего от духовного одиночества. Н. Синельников трактовал “Детей Ванюшина” иначе: “Как режиссер, я поставил себе две четкие задачи: как можно ярче показать социально-бытовой уклад современного провинциального купечества [...] Этим я стремился расширить пьесу, из индивидуально-семейной сделать ее общественной [...] Дети живут наверху, отцы - внизу; этот раздел, эту лестницу наверх я поставил стержнем всей постановки, сделал символом её социальной трактовки” (Н. Н. Синельников, Шестьдесят лет на сцене. Записки, Харьков, 1935, стр. 237-238). Противоположность режиссерских планов наиболее убедительно сказалась на важной для понимания пьесы сцене примирения Ванюшина с Алексеем в конце третьего действия. В Петербурге она вызывала слезы умиления. Этим умиротворяющим аккордом драма у Е. Карпова, в сущности, и заканчивалась, и потому самоубийство Ванюшина в четвертом действии не находило ни психологического, ни сюжетного обоснования. Напротив, у Н. Синельникова задушевная беседа отца с сыном подводила к кульминации - внезапному появлению

взбешенного Константина. Разыгрывался скандал, и теплившаяся в сердце Ванюшина надежда, что все еще “образуется”, гасла... Примечательно, что буржуазные критики в рецензиях на московскую постановку “Детей Ванюшина”, одобряя игру актеров, проявляли редкое единодушие в решительном осуждении идейной направленности спектакля Н. Синельникова. Вслед за Сувориным И. Игнатов твердил, что “Дети Ванюшина” посвящены лишь общечеловеческим вопросам воспитания, отношениям между поколениями (см. “Русские ведомости”, 1901, 16 декабря, No 340), Я. А. Фейгин “основную мысль драмы” расширял “до пределов общечеловеческой трагедии” (“Курьер”, 1901, 18 декабря, No 349), а С. В. Яблоновский сожалел, что Найденов в третьем действии “становится дидактичен” (“Русское слово”, 1901, 16 декабря, No 346). Откровеннее всего причины недовольства выразили “Московские ведомости”: “Ну зачем же так сгущать краски? [...] За жестокою реальною правдой, понятною и воссозданною уже чересчур пессимистично, здесь совсем нет примиряющего света поэзии” (1901, 17 декабря, No 347).

“Дети Ванюшина” быстро стали “твоздем сезона”. Среди исполнителей роли Алексея Ванюшина выделялся П. Н. Орленев, взявший “Детей Ванюшина” в гастрольную поездку по России. В созданном им образе привлекали чистота, непосредственность юности, рвущейся на свободу из косного мира “отцов” (см. “Жизнь и творчество русского артиста Павла Орленева, описанные им самим”, Л.-М., “Искусство”, 1961, стр. 119). Любимой пьесой П. Н. Орленев открыл 20 октября (3 ноября) 1905 г. гастроль своей труппы в Нью-Йорке (см. “Театр и искусство”, 1905, 4 декабря, No 49, стр. 757).

С. Найденову долго не удавалось показать “Детей Ванюшина” в родной Казани. Намекая на то, что в пьесе выведены родственники казанского купца-миллионера Щетинкина, газеты сообщали: “Желание [...] поставить пьесу вызвало целую бурю со стороны лиц, заинтересованных в том, чтобы пьеса эта не появлялась на сцене казанского театра” (“Северо-Западное слово”, 1902, 25 февраля, No 1137). Своеобразный “просмотр” пьесы заинтересованными лицами состоялся в июле 1902 г. на даче Щетинкина под Казанью. “Опасную” роль старика Ванюшина исполнял автор, Константин - его брат Николай, Клавдии - сестра Анна (см.: Ф. Майский, О чем

рассказывают архивы.- Альманах “Крым”. Симферополь, Крымиздат, 1958, стр. 101). Впервые в Казани “Дети Ванюшина” были показаны 10 июля 1902 г. гастролировавшей труппой суворинского театра. Но антрепренеру казанского театра Н. И. Соболящикову-Самарину ставить пьесу администрация упорно не разрешала (см. ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 25, ед. хр. 781, л. 99).

22 июня 1907 г. состоялась примечательная по составу исполнителей постановка “Детей Ванюшина” в Кисловодске. Роли распределили между собой актеры трех московских театров - Художественного, Малого и Корша; Ванюшин - В. Грибунин, Арина Ивановна - М. Блюменталь-Тамарина, Константин - Л. Леонидов, Алексей - А. Карцев, Щеткин - А. Лаврентьев. Репетициями руководил С. Найденов (“Пятигорское эхо”, 1907, 22 июня, No 12).

В 1907 г. в московском литературно-художественном сборнике “Новое слово”, кн. 1, С. Найденов опубликовал второй вариант четвертого действия “Детей Ванюшина” (включен во второй том “Пьес” С. Найденова, Спб., изд. т-ва “Знание”, 1911). Он заметно снизил остроту развязки драмы. В новом варианте Ванюшин не убивает себя. Дети и отцы меняются местами. Внизу, на первом этаже, теперь царит Константин; старики, устранившиеся от дел, перебираются “наверх”. Так между обиженными “отцами” и их неблагодарными “детьми” устанавливается некое моральное равновесие: они стоят друг друга.

В новой редакции “Дети Ванюшина” были показаны 15 декабря 1910 г. в Александринском театре. Режиссер А. Петровский главные роли поручил: Ванюшина - В. Давыдову, Арины Ивановны - В. Стрельской, Константина - И. Лерскому, Клавдии - М. Савиной, Красавина - И. Судьбинину, Ани - М. Домашевой, Алексея - М. Владимирову, Авдотьи - А. Чижевской. Щеткина играл сам Петровский. В. Давыдов несколько лет работал над любимейшей ролью. Еще 28 апреля 1908 г. он выступил в ней во время гастролей в Вильне (см. “Виленский вестник”, 1908, 30 апреля, No 1467). Биограф В. Давыдова пишет: “У Давыдова ясно чувствовалось, что не в чертах личного характера Ванюшина причины семейной трагедии, а в какой-то стоящей над ними силе, которая давит решительно всех, в том числе и его самого. Это придавало Ванюшину черты жертвы темной российской домостроевщины” (А. Брянский, Владимир Николаевич

Давыдов. 1849-1925. Жизнь и творчество, Л.-М., “Искусство”, 1939, стр. 130).

После Октябрьской революции “Дети Ванюшина” продолжали оставаться одной из популярнейших пьес в репертуаре советского театра. 27 декабря 1926 г. Всероссийское литературно-драматическое общество имени А. Н. Островского торжественно отметило 25-летие постановки “Детей Ванюшина” в Москве у Ф. А. Корша. Перед началом юбилейного спектакля (в нем были заняты некоторые из первых исполнителей) в Государственном экспериментальном театре выступил А. В. Луначарский. Столь же тепло был принят общественностью 7 января 1939 г. юбилейный спектакль “Детей Ванюшина” в Государственном академическом Малом театре.

11 января 1903 г. Общество русских драматических писателей присудило С. Найденову за “Детей Ванюшина” премию имени А. С. Грибоедова (см. ЦГАЛИ, ф. 117, оп. 1, ед. хр. 69, л. 1). 9 апреля 1915 г. на экраны вышел снятый по пьесе фильм, в котором участвовали И. Мозжухин (в роли Алексея) и Вера Холодная.

Драма печатается по тексту первого тома “Пьес” С. Найденова, изд. т-ва “Знание”.

Стр. 94. Фострём - сценический псевдоним оперной певицы Эвелины Альмы Роде. Училась пению в Петербургской консерватории и в Италии, много гастролировала за рубежом и по России. Концерты “русско-шведского соловья” пользовались огромной популярностью.